

Забытые заживо

Автор:

Вячеслав Денисов

Забытые заживо

Вячеслав Юрьевич Денисов

Остров. Остаться людьми #1

Роскошный трансатлантический лайнер «Кассандра», зафрахтованный малоизвестной туристической компанией, совершает морской круиз из Гаваны на Бермуды. На его борту более тысячи пассажиров: итальянцы, французы, американцы, русские, немцы... Все они наслаждаются путешествием, греются на солнце, плавают в бассейнах, играют в бильярд, беседуют, выпивая в баре... И лишь нескольким из них многое здесь кажется странным: никто из гостей судна ни разу не видел капитана, его помощник называет неточные координаты их местонахождения, таинственным образом исчезает представитель турфирмы, сопровождавший пассажиров первого класса... Сомнения несколько развеиваются, когда туристам объявляют, что для них приготовили сюрприз – небольшую однодневную экскурсию на необитаемый остров с уникальной, не тронутой цивилизацией природой. И для того чтобы сохранить сюрприз в тайне, помощнику капитана пришлось темнить с координатами... От «Кассандры» к острову, окутанному плотным туманом, отправляются прогулочные катера. Они вернутся обратно через несколько часов, но уже без пассажиров...

Вячеслав Денисов

Забытые заживо

Пролог

В раздевалке он скинул кроссовки, стянул через голову свитер и вжикнул «молнией» джинсов. Выложил на верхнюю полочку телефон и бумажник. Открыл шкафчик для переодевания, аккуратно повесил чуть влажную от пота майку, сложил джинсы и уложил их на полочку, расправив складки. Кроссовки встали в нижний отсек идеально ровно, шнурки он заправил внутрь. С носками он поступил так, как немногие обращаются с галстуком. Каждый был аккуратно свернут и уложен на носок соответствующей ему кроссовки разрезом к проходу. Каждое его движение было механическим, отточенным до совершенства. Он так переодевался у этого шкафчика в раздевалке истребителей-перехватчиков Восьмой эскадрильи седьмой год.

Он закрыл дверцу и провел по ней рукой. Время сблизило их со шкафчиком для переодевания. Ни разу за семь лет мужчина не хлопнул дверцей, а шкафчик не позволил себе не открыться. Почему так не бывает между мужчиной и женщиной?

703 – значилось на лицевой стороне дверцы. Он открыл ее. С внутренней на него смотрело фото трехлетней давности. Мужчина смеялся, а склонившаяся над ним рыжеволосая женщина обхватила его руками и тоже была счастлива. Три года. Края фотокарточки от пониженной влажности в помещении чуть изогнулись, скотч, удерживающий фото, пожелтел, но все равно это были Он и Она. Еще счастливы. Еще вместе.

Мужчина взял телефон и потряс трубку, глядя на нее отсутствующе-вопросительным взглядом – звонить или нет? Но все-таки набрал последний номер.

– Она едет с ним в центре.

– И все-таки она поехала к нему... – выдохнул в отчаянии мужчина, почувствовав, как сразу устал. Подвинув ногой скамейку, он сел на нее. – Куда они направляются?

– Хороший вопрос. Все туда же. Я еду за ними, и пока мы движемся в западном направлении.

Он долго думал, задавать этот вопрос или нет, решил не задавать, и тотчас задал:

- Что она сейчас делает?

- Вы простите меня великодушно, но я вынужден отвечать на этот вопрос...

- Не тяните кота за хвост.

- Что может делать влюбленная женщина? Она целует его.

- На ходу? - уточнил мужчина, закрыв глаза, бледнея и чувствуя, как в груди собирается комок ощущений, хуже которых он не испытывал никогда в жизни. - Это небезопасно...

- Рад, что вас не покидает чувство юмора, - раздалось из трубки.

- За последние три месяца я стал невероятно смешлив, как патологоанатом. Вы позвоните мне?

- Конечно.

И мужчина поступил вопреки давно сложившимся между ним и шкафчиком отношениям. Он швырнул внутрь его трубку. И еще несколько минут сидел молча, в одних трусах, терзая лоб пальцами.

- Семьсот третий, готовность пятнадцать минут.

Этот равнодушный голос в динамике, вмонтированном под потолком выкрашенной в безликий бежевый цвет комнаты, вывел его из ступора. Он встал, снял с вешалки комбинезон, надел его. Зашнуровал обувь, подогнал обмундирование и через три минуты посмотрел на себя в зеркало на стене. Ядовито-оранжевый комбинезон идеально облегал его фигуру. Осмотрев шлем, он улыбнулся самому себе в его тонированное стекло, пробормотал: «Поехали?» - он болтал с шлемом седьмой год, последние три месяца все чаще, - и сунул его под мышку.

Инструктаж в комнате занял столько же времени, сколько он одевался.

«Вам необходимо вторгнуться в воздушное пространство Польши на один километр и продержаться восемь минут до появления польских перехватчиков. Если работа объектов ПРО нашими радарами будет отслежена за меньший отрезок времени, вы узнаете об этом сразу. После выполнения задания вы должны немедленно покинуть воздушное пространство Польши. Повторите».

Майор повторил.

Шагая по летному полю к истребителю, он вынул из кармана комбинезона телефон. Он должен был дождаться звонка, но решил позвонить сам.

– Они в отеле.

Майор стиснул зубы и закрыл глаза, в этом состоянии он и прошел пять или шесть шагов.

– Они уже в отеле?

– Уже пять минут как. Только не спрашивайте меня, чем они занимаются там. Или вы хотите получить снимки?

– Разве вы уже не показывали их мне?

– Разве вам не показалось, что их недостаточно, и вы попросили меня еще раз проследить за своей женой?

– Благодарю вас. Я перечислил тысячу долларов на ваш счет сегодня утром.

И майор отключил связь. До самолета оставалось еще шагов двадцать. Он сбавил ход и рассчитал так, чтобы к тому моменту, когда механик приставит к фюзеляжу лестницу, сим-карта оказалась в его руке. Он сунул ее в рот и разжевал. Почувствовал кровь во рту и выплюнул.

– Ни пуха!

– К черту, – машинально, как делал уже седьмой год, буркнул он механику и задвинул крышку фонаря.

– Триста четвертый, к взлету готов!

– Семьсот третий, взлет разрешаю.

Просвистев по взлетной полосе, истребитель-перехватчик поднялся в воздух, заложил вираж и ушел в сторону Польши.

Глава 1

Палуба «Кассандры» сияла чистотой. Казалось, облако спрея опустилось ночью на лайнер, впитало пыль со стен и переборок, съело следы рук с поручней, высохло, да и было снесено ветром за борт. И вот теперь сам Великий Уборщик любовался с высоты на дело рук своих, вытирая их и ухмыляясь. Второй день кряду Левша выбирался из каюты, чтобы заполнить тронутые табачным дымом легкие морским воздухом, и удивлялся чистоте, безмолвствующей на корабле. Каюта 18 находилась на верхней палубе, билет первого класса позволял разгуливать по всему кораблю, но вряд ли его обладателю была нужна спускаться на нижнюю палубу, где нет бассейна и даже виски не сортовой. Зато владелец билета второго класса не имел возможности подняться наверх. Там, как бы это сказать, находились немного отличные от него люди. Те, кто позволяет себе потратить на морское путешествие на три тысячи долларов больше. Левша спустился и направился к столику. Подошвы его мягких сандалий скрипели по хирургически-безукоризненной чистоте палубы. Он сел, расположившись так, чтобы была видна молодая женщина, чей столик на двоих с мужем был напротив, и улыбнулся уголками губ. Через минуту ему принесли кофе.

– Как прошла ночь, сэр? – спросил ничем не примечательный на вид тип в белой рубашке с черными погонами. Он появился так же неожиданно, как исчез официант. Разбираться в знаках различия лесников и гражданских моряков нужды у Левши никогда не было. Возможно, самый ненужный из ненужных вопросов задавал боцман, может, какой-нибудь штурман. – Я – помощник капитана Джейсон Митчелл.

– Всего лишь помощник капитана? – Левша промокнул салфеткой губы и внимательно посмотрел на моряка. – А знаете, между тем в вас есть что-то от адмирала Нельсона.

– Взгляд? – Помощник капитана чуть порозовел. День обещал быть жарким.

– Нет. У вас глаз косит.

Помощник капитана прикоснулся к фуражке и отчалил.

«Как прошла ночь, господа?» – услышал Левша за спиной и поморщился. Люди без конкретных намерений вызывали в нем неприязнь. Навязчивые консультанты в магазинах своим идиотским «Вам что-нибудь подсказать?» буквально разворачивали его к выходу. В этом вопросе Левша слышал безапелляционное: «Я вижу, что вы слепы и глупы, так позвольте мне прочитать вам ценник с техническими характеристиками бритвы «Браун». И сейчас он был уверен, что помощнику капитана решительно наплевать, как он, Левша, провел ночь: это во-первых. Во-вторых, какое его дело, как он, Левша, провел ночь? Рассказать? Пожалуйста...

Часы своим монструозным четырехглазым взглядом показывали три часа и четыре минуты. Левша попытался понять, отчего он проснулся. Во сне было хорошо. Жена молодого путешественника сидела перед ним, стоящим, на корточках. От нее поднимался аромат цветочных духов. Молодой путешественник стоял рядом и курил гаванскую сигару. Левша изредка бросал на него взгляд и удивлялся размерам этой сигары. Она была толщиной с ручку биты. Покуривал и произносил: «Дальше так продолжаться не может». «Еще как может», – думал Евгений и переводил взгляд вниз. Почему путешественник вдруг закурил? – продолжал размышлять он, смотрел на губы, плотно обхватывающие сигару, и догадка почти осенила его – но в этот-то момент он и проснулся. Жена путешественника исчезла, и это была самая большая потеря при пробуждении. Последним в памяти остался вскрик. Или это был просто спазм барабанной перепонки? Как бы то ни было, он спустил ноги с кровати. Качки почти не ощущалось. Океан был тяжел и тих. Натянув шорты и сунув ноги в сандалии, Левша выцарапал из пачки на столике сигарету, проверил, в кармане ли зажигалка, и вышел из каюты. Закрыл замок и двинулся навстречу свежести. Палуба встретила его сыростью и пахнущим салатом из морской капусты воздухом.

Он уже почти поднес огонек «Зиппо» к сигарете, как вдруг снова услышал вскрик и, кажется, плеск волн.

Изредка поднося сигарету к губам, Левша коротко затягивался и выпускал дым. Облачко тотчас проглатывал ветерок, оно не оставляло даже воспоминаний о себе, исчезало, как исчезали поутру съедаемые небесным спреем отпечатки пальцев с поручней. Освещенное корабельными фонарями однообразное шевеленье океана ввело его в дремоту. Он все реже и реже подносил к губам сигарету. В конце концов она ему надоела, и он швырнул ее в воду. Во рту осталось послевкусие неудовлетворенности. Так случалось всякий раз, когда он не курил, а всего лишь машинально исполнял долг по отношению к одной из своих многочисленных привычек.

– Вам не спится, сэр?

Левша развернулся. Этот вопрос задал тот самый человек, который, почти не скрывая отвращения к собственному любопытству, интересовался, как была проведена ночь.

– Я проснулся от странного звука.

– От странного звука? – заинтересовался помощник капитана, тогда еще не знакомый Левше как помощник капитана.

– Мне слышался вскрик.

– Вскрик?

– Да, – подтвердил Левша. – А потом – всплеск.

– Всплеск?

– Вы вовсе не обязаны повторять слово в слово все, что я говорю.

Помощнику капитана было около сорока. Еще не побитая сединой, но уже в ожидании этого голова с правильными чертами лица и четко очерченными

ушными раковинами, брови уже не юноши, а сдобренные возрастом, тонкие губы, шевеля которыми можно дать объяснение самым невероятным обстоятельствам, и повидавшие немало качки веснушки. От качки той они и были рассыпаны по лицу помощника капитана словно случайно – словно кто-то рассыпал на розовом мраморе кулек с гречкой. В общем – сорок. В это время карьера или резко взлетает, или стремительно падает. Или ничего не меняется в жизни человека, достигшего середины пути. Голубые, живые, но совершенно бессмысленные глаза этого человека были похожи на мотыльков, кружащихся перед зеркалом в свете свечи. Почувствовав запах лосьона после бритья, Левша представил, как помощник капитана, этот перпетуум мобиле, закончив очередную бредовую прогулку, десять минут назад вернулся к себе, побрился, расчесался, выщипал пинцетом волоски из ноздрей и ушей, и все только для того, чтобы после надеть фуражку и снова выйти на палубу.

– Вероятно, судно встретилось с блуждающей волной и, разрезав ее форштевнем, успокоило.

Левша пятерней поправил упавшие на лицо волосы.

– Что-то похожее на это я и хотел от вас услышать.

– Море – живое существо, сэр, – сказал помощник капитана. – Уметь понимать его голоса дано не каждому. Оно дышит, слышит, чувствует боль.

– Не потому ли волна вскричала, что ее разрезал форштевень?

Помощник капитана улыбнулся.

– Мы в Бермудском треугольнике, сэр, здесь случается невероятное. Вещам здесь придается особый смысл, а событиям – иное видение. И все это вопреки вашей воле.

– Да, я смотрю Би-би-си. Спокойной ночи. – Оторвавшись от перил, Левша направился к лестнице.

– Вам не помешает стаканчик виски, – крикнул ему вслед помощник капитана.

Часов до пяти Левша не спал. Заложив руки за голову, он с закрытыми глазами вспоминал события двухнедельной давности.

Глава 2

Молодые женщина и мужчина сидели прямо напротив столика, за которым каждое утро появлялся высокий, явно внимательный к своей внешности мужчина в «гавайке» с притушенными, словно застиранными, цветами. Столик слева от них всегда занимали седой мужчина с мальчиком лет двенадцати.

– Больше так продолжаться не может, – говорил мужчина молодой женщине.

Она молчала и смотрела туда, где океан сходится с небом. И тогда в чуть влажных глазах ее без труда различалась эта тонкая серая полоска. Как черта, переступить через которую невозможно, как невозможно переступить через надвигающееся мутное, бесформенное будущее.

– Два года мучений, сравнимых разве что с больным сном, – говорил он ей. – Маша, Маша... – умолял он. – Я знаю, что это случилось. И что сейчас ты простить себе не можешь того, чего никогда не простила бы мне... – Он заглядывал ей в глаза, наклонившись, ресницы ее при этом вздрагивали, и было видно, что пытка для нее не прошлое, а настоящее. – Мы уехали, чтобы спасти брак. Мы ушли в море, решив отречься от взаимных обид и упреков. Ну, мне, допустим... мне не в чем упрекнуть себя... да и тебе меня упрекнуть, думается, не в чем... прости, что напоминаю... – Ресницы ее снова вздрагивали. – Я прощаю тебя, но скажи, что я не дурак. И не прошу сейчас женщину, которой все равно, что будет со мною.

– Ты не дурак, Сергей.

Они понимали, что другого ответа и быть не могло. И тогда он брал свой кофе и крутил чашку на блюдце, попеременно трогая ручку пальцами. Ей хотелось схватить эту чашку и бросить в море. Но вместо этого она устало смотрела в никуда. Усталость не была ей к лицу. В двадцать шесть ей можно было дать и двадцать два, и свежесть, которой была пропитана эта женщина, стирала все недостатки ее черт. Слегка раскосые большие глаза, чуть навывкате, карие, при

первом взгляде казались они немного неловко вставленными господом в этот овал правильной формы. Но внимательный взгляд, изучивший эти глаза с пристрастием, очаровывался этой женщиной. Эта женщина знает цену своей влюбленности, и если бы на нее смотрел человек, могущий заплатить такую цену, он не грешил бы против истины, утверждая, что завоевать сердце этой женщины трудно, куда легче это сердце разочаровать.

– Я клянусь богом, я клянусь всем, что дорого нам обоим, – мы станем другими, – заверял он ее. – Потому что созданы друг для друга, потому что мы нужны...

– Ты слышал этой ночью шум?

Некоторое время он сидел неподвижно, молча разглядывая ее колючим взглядом.

– Что?

Ему казалось немыслимым, что он перебит был в ту минуту, когда произносил слова, не дослушать которые до конца просто невозможно.

– Я слышала ночью шум. То ли крик, то ли плеск волны.

– Что удивительного в плеске волны, когда мы идем по океану?

– Я сказала еще – «крик».

Он отпил кофе и посмотрел на отца мальчика, который на сносном английском подзывал помощника капитана.

– Ты слышала то, что я только что сказал?

– Да, я слышала, – поспешно ответила она, прислушиваясь к разговору за соседним столиком. – А ты слышал?

Он опустил голову и с кривой усмешкой стал искать в карманах сигареты.

– Скажите, – обратился к помощнику капитана седой мужчина, и женщина чуть сдвинула брови, обращаясь во внимание, – этой ночью на корабле не происходило никаких странных событий?

– Каких, сэр? – помощник подмигнул мальчику и услужливо склонился над его отцом.

Женщина посмотрела на мужчину. Тот пожевал губами и, дотронувшись пальцам до виска, проговорил уже тише:

– Например, не падал ли кто-то за борт?

Выпрямившись, женщина втянула губы и перевела взгляд на помощника капитана.

– Уверяю вас, сэр, – ответил тот, – что этой ночью за борт не упал ни один человек. Эта ночь была тиха и настолько приятна, что я провел ее на палубе, редко заходя на мостик.

И он прикоснулся пальцами к фуражке.

– Странное дело, – раздался громкий голос. – Люди на этом корабле один за другим сходят с ума. Сначала я, проснувшийся от вскрика и плеска воды, потом этот мужчина, так же, как и я, спавший в своей каюте. И только проведший всю ночь на палубе наш бравый помощник капитана ничего не слышал.

Помощник отступил назад, и женщина увидела того самого загорелого, крепкого мужчину в «гавайке», что садился каждое утро за столик напротив.

– Видите ли, в чем дело, господа, – растерянно заговорил отец мальчика, – слышал – не я...

Сразу после этих слов не осталось никого, кто не удостоил бы его долгим взглядом. Женщина, взволнованная странным разговором, вцепилась руками в край стола.

– Что вы хотите сказать этим, приятель? – раздраженно бросил мужчина в «гавайке». – Сначала вы упоминаете о плеске и крике, то есть рассказываете слово в слово историю, которую я рассказывал этой ночью помощнику капитана, а потом говорите, что вы этого не слышали.

Седой посмотрел на мальчика, занятого игрушкой-трансформером, а потом посмотрел на всех глазами, полными вины.

– Я не слышал. Слышал мой сын.

– Эй, малыш, – крикнул Левша, – расскажи-ка глупым дядям, что ты слышал этой ночью.

Как ни в чем не бывало тот продолжал крутить в руках игрушку.

– Оставьте его, – попросил за него отец. – Достаточно того, что сказал я.

– Выходит, вы единственный, кому послышались этой ночью звуки, такие странные для морского путешествия, – крик чайки и плеск воды, – заметил помощник капитана, улыбнувшись Левше.

– Это не был крик чайки.

Муж женщины, словно застигнутый за неприличным делом, резко вскинул голову и посмотрел сначала на свою жену, а после, кусая губу и сожалея, что в очередной раз начатый им разговор в очередной же раз заканчивается ничем, откинулся на спинку стула.

– Это не был крик чайки, – повторила Маша.

– Вы тоже слышали? – скорее даже не выразительно, а вызывающе неучтиво воскликнул Левша. – Да есть ли на этом корабле хоть кто-то еще, кто не слышал того, чего не слышал помощник капитана!

Седой мужчина вынул из кармана пачку сигарет, из пачки сигарету и, уже не скрывая своего интереса к происходящему, отломил от нее фильтр.

– Это был крик не чайки, – в третий раз на палубе это прозвучало из его уст, да только во сто крат увереннее.

– Помощник капитана сказал мне сегодня ночью, что это был «крик» волны, – интимно сообщил всем Левша.

Седой не обратил на это сообщение внимания.

– Офицер, где мы сейчас находимся? – держа руку на спинке стула мальчика и глядя под ноги, спросил он. Над головой его взметнулся клуб дымка, но тут же был съеден ветром.

Помощник капитана утомленно вздохнул, снял фуражку и вытер ее внутреннюю часть платком. Пока он этим занимался, ветер трепал его редкие волосы, открывая всем доступ к разглядыванию его ранних залысин. Левша спокойно сидел, и волосы металась по его лицу. Он то и дело убирал их за уши, загребал назад, но настойчивый бриз не унимался.

– Мистер Макаров, мы в пятистах милях от восточного острова Бермуд Боас, в тысяче двухстах милях от Нассау и в тысяче миль от Восточного побережья США.

– Макаров? – удивленно переспросил Левша. – Так вы – русский?

– Как и вы, – не поворачивая головы, ответил седой. Так же, не шевеля и пальцем – женщина это видела, – он водил глазами из стороны в сторону, ощупывая взглядом океан. Он словно подсматривал за теми, кто сидит справа и слева от него.

– Почему вы спросили об этом, мистер Макаров? – спросил помощник капитана после небольшой, повисшей на палубе паузы.

– Потому что я испытываю странные ощущения.

– В чем дело, сэр?

– Дело в том, – сказал седой, – что мне легче поверить этому молодому человеку и женщине, чем поверить вашему слову, слову морского офицера.

Помощник капитана рассмеялся. Делал он это снисходительно, отдавая дань уважения гостям судна.

– Да вы все, господа, словно сговорились сегодня! Мы в Бермудском треугольнике, вам следует принять это во внимание. Здесь часто приборы сходят с ума, а люди испытывают беспричинное чувство тревоги, – он говорил это не сбиваясь, отражая напряженный взгляд Макарова. – Я уверяю вас, господа, все в порядке! – И помощник капитана приложил руку к козырьку. – Отдыхайте, наслаждайтесь запахом йода, такого вкуса океана, как здесь, вы не попробуете больше нигде! Я вернусь к вам, как только улажу дела в рубке. Прошу простить меня, – и он ушел.

Несмотря на шаткую связь, возникшую на палубе между путешествующими на судне вот уже третьи сутки людьми, за столиками – некое подобие летнего кафе на открытой палубе – снова воцарилось молчание. Первым его нарушил Левша.

– Вы задали америкосу вопрос, – уже по-русски заговорил он, – он вам ответил. А потом вопрос задал он, и у меня такое ощущение, что ответа на него вы не дали. Между тем он ушел, не дождавшись его, как если бы он его услышал. Чертовщина какая-то. Что вы имели в виду, когда говорили, что верите мне и этой женщине, но не верите ему?

– Да, – срываясь голосом, добавила Маша, и Сергей, совсем уже поскучнев, скрестил на груди руки. – Я тоже хочу знать.

– Чайкам нечего делать на таком расстоянии от суши. Вот в чем дело. Тысяча миль – слишком далеко от берега. Вот что я имел в виду.

– То есть это был крик не чайки? – спросила женщина.

– То есть он ушел, догадавшись, что я имел в виду.

И все снова занялись своим делом. Левша откинулся назад, запрокинул голову и зажал волосы руками, чтобы они не закрывали лицо. Сергей завозился на стуле. Обстановка показалась ему удобной для возобновления прервавшегося монолога. Но женщина как раз и не была расположена слушать его. Подперев подбородок кулачком, она с интересом наблюдала за тем, как седой мужчина,

ответив на какой-то простой вопрос мальчика, вытянул из серебряного кольца на столике салфетку, а из кармана рубашки привычным движением – ручку. Начертив что-то на салфетке и теперь рассматривая это на расстоянии вытянутой руки, он старался сопоставить свой рисунок и цифры под ним, а женщина по выражению его лица пыталась распознать переживаемые им в этот момент чувства. У обоих ничего не получалось. Она видела, как отец мальчика беспомощно посмотрел по сторонам, закинул голову, посмотрев на солнце, а потом – на наручные часы. И снова – никакой реакции. И вдруг он рассмеялся, скомкал салфетку и бросил ее на стол.

– Понимаешь, Мария... я ждал твоего «да» слишком долго... Достаточно долго для того, чтобы понять невозможность существования без тебя... Трещину в моем сердце видят уже все – на работе, родители... Скажи, что должно произойти, чтобы я увидел твои глаза... полные слез страсти и желания меня... Скажи!

– Простите, – произнесла Маша и улыбнулась вскинувшему брови седому мужчине, – я видела, что вы сейчас что-то рисовали. Это как-то относится к нашему общему разговору?

Он улыбнулся, покачал головой.

– Пустое. Забавы одинокого отца.

В знак благодарности она кивнула ему и убрала руку, на которую легла ладонь мужа. Ей вдруг захотелось поправить волосы.

– Я хочу еще кофе.

Макаров исподлобья смотрел на того, кому предназначалась эта почти просьба. Но тот играл желваками на скулах и, кажется, не слышал.

– Наша семья рухнет... я люблю тебя... Тебя никто не будет любить так, как люблю я... Но разве ты не видишь, как рухнет наша семья?..

– Два кофе! – крикнул Макаров, поднимая руку и привлекая внимание официанта. – Один – мне, второй – за этот столик.

Маша улыбнулась ему. Седой посмотрел на руку ее мужа. На безымянном пальце его правой руки сияло обручальное кольцо с бриллиантами.

– Молодые люди, вы не могли бы составить нам компанию? – Макаров улыбался этой паре. – Мы с Питером собираемся искупаться в бассейне. Меня, кстати, зовут Александр.

– С удовольствием! – ответила Маша, и глаза ее, не имевшие, казалось, природного блеска, вдруг сверкнули радостью.

– Простите, у нас дела, – отрезал Сергей.

– Ах, да, – сказала Маша, и два огонька, только что превратившие ее чуть затуманенные глаза в сияющие куда ярче мужниных бриллианты, потухли. – Простите. Я забыла.

Молчавший Питер наконец-то открыл рот. Посмотрев на отца, он выдавил, словно через силу:

– Он ударит ее и погнет кольцо.

Через минуту Макаров забыл об этих словах.

На полпути к бассейну их догнал косолапый старик-мексиканец с белогривой молодой метиской. Несмотря на безупречные черты лица и точеную фигуру метиски, ее волосы молочного цвета выглядели как-то неестественно. Еще более неестественно смотрелась на груди старикана золотилая икона Девы Марии размером с кофейное блюдце. Она придавала старику вид священника, уже порядком отягощенного внешними атрибутами церкви и тем не менее окончательно ударившегося во все тяжкие. Макаров готов был поклясться, что на родине мексиканец приторговывает проститутками или кокаином. Но здесь он был просто Пабло. Он так и представился минутой позже: «Зовите меня просто – Пабло».

– Сеньор! Вы, сеньор, чей сын похож на молодого бога, – на мешанине из разных языков, но так до смешного удачно, что был понятен дословно, обратился он к Макарову, – могу ли я предложить вам партию в пул?

Макаров посмотрел на Питера.

– С ним побудет Розалия, – поторопился уладить эту проблему мексиканец. Звонко шлепнув метиску по тугой заднице, он строго бросил ей на испанском: – Не забывай, что он совсем мальчишка!.. На интерес? – последнее адресовалось уже седому.

– Разумеется. Пять долларов.

– Это большой деньги, – понимающе кивнул старик. – Я начал как раз с пять долларов, сеньор. Я украл их в забегаловка донна Лусии и через десять минут поставил их на петух Кривой Глаз. Я так хотел пирожного, я истекал слюна, но мне нужно было не одно пирожное, я хотел поднос!.. Обычный «американка», сеньор?

– Как тебя зовут, красавчик? – спросила красотка, едва они с мальчиком уселись в кресло неподалеку от стола. В одно кресло. Пока беспрестанно говорящий Пабло стучал шарами, устанавливая треугольник с ними на положенное место, Розалия наклонилась к новому другу с этим вопросом.

Питер посмотрел на девушку безразлично, как если бы смотрел на верхушки сосен из «Лексуса» отца.

А потом бросил игрушку в соседнее кресло. И стал смотреть, как отец, склонившись над столом, работает кием, как поршнем.

Щелчок! – и шар, врезавшись в клин братьев, расколол правильную фигуру. Один из них, пущенный с места, как «Бугатти», нырнул в лузу. Второй, завертевшись юлой, доехал до отверстия и, мгновение покружившись, свалился...

Макаров поднял голову и посмотрел на Питера.

Он ударит ее и погнет кольцо, – вдруг сверкнуло в его голове.

«Вот дьявольщина, – расстроился Макаров, – иди пойми, что он имел в виду», – и тут же вспомнил о массивном, вызывающе дорогом кольце с бриллиантами,

украшавшем палец Машиного мужа.

Левша, потягивая через соломинку только что доставленный к столику коктейль, сквозь черные очки наблюдал за помощником капитана. Последний, как и обещал, спустился на палубу. Но тех, с кем он мог бы продолжить разговор, уже никого не осталось. Даже Левша, который никуда не спешил, давно встал и ушел. И теперь, облокотившись на поручень и прижавшись спиной к надстройке, с высоты десяти футов Левша видел, как помощник капитана прошел мимо столика, за которым сидели мальчишка с отцом, смахнул с него исписанную и скомканную салфетку и – сунул в карман.

Левша оставил стакан и пошел в свою каюту. Запер дверь и сел на кровать, широко расставив ноги. Наклонился и выдернул из-под кровати сумку. «Молния» вжикнул и разъехалась. Просмотрев содержимое сумки, он застегнул ее и ногой задвинул на место.

Глава 3

Макаров с мексиканцем заканчивали партию, когда под навесом, заслоняющем бильярдные столы от солнца, появились две женщины. Макаров, бросив случайный взгляд, – реакция на появившихся в его поле зрения новых людей, – отметил: две женщины. Но минуто спустя, когда проигравший мексиканец, смеясь и бормоча проклятья, снова расставлял шары в клин, вынужден был признать, что ошибся. Это были не две женщины. Это были: женщина и девочка. Определить возраст первой было так же трудно, как легко обозначить возраст второй четырнадцатью годами. «Обломок корабля, – подумал Макаров, разглядывая стоящую спиной к нему у барной стойки женщину. – Таких обломков несть числа, и кое-кто болтается на волнах с сыном, а кто-то – с дочерью. Ей все-таки сорок». Когда она развернулась и посмотрела прямо ему в глаза, он поправил себя: «Тридцать пять».

Спутница мексиканца встретила появление жгучей брюнетки почти с ненавистью. Кажется, в этот момент она сожалела, что поддалась стариковскому капризу и выкрасилась в блондинку. Чувство это усилилось, когда она поймала взгляд своего дружка, направленный не на ее задницу. Оставив мальчишка, она встала и направилась к своему ухажеру. Привалилась к

плечу, которое было ниже ее, и тотчас получила: «Какого черта? Ты не видишь – я проигрываю!» Хмыкнув, мексиканка направилась к стойке. «Закажи себе что-нибудь покрепче, – воодушевил ее проигрывающий уже вторую партию спутник. – А лучше возьми бутылку текилы, если я проиграю, то потом буду говорить, что играл пьяным!»

Макаров рассмеялся.

А брюнетка тем временем купила бутылку пива и бутылку сока. Соком сразу же занялась ее дочь.

«А дочь ли? – подумал Макаров, с удивлением глядя, как женщина целует девочку в затылок без особой нужды. – Черт знает что происходит... Помощник прав в одном – мы в Бермудском треугольнике. И стрелки наших приборов в треморе».

Пройдя мимо, женщина слегка задела его. Пахнуло легким ароматом терпких духов.

Он посмотрел на Питера взглядом, полным лживого сожаления. Тот пил молочный коктейль и смотрел туда, куда смотреть и должен был – на девочку. Трое суток на ограниченном пространстве давали о себе знать. Истосковавшие по общению с кем-то, кто выходил за круг родственных связей, люди становились проще, они экономили время, опуская условности. Вот посмотрел Питер на девочку – и та тут же подошла. А женщина села через кресло от них, словно указывая, куда должен сесть Макаров, когда с ним рассчитается мексиканец.

– Получите свои десять долларов, мистер, – совершенно огорченный, словно речь шла о десяти тысячах, произнес старик. В руке он держал две пятерки. – Давно я не проигрываю. Теперь пойду пить с горя. Не желаете присоединиться?

С палубы первого класса поднялся, ища кого-то взглядом, молодой человек в «гавайке» с ухоженной стрижкой. Макаров узнал его – это он довольно небрежно разговаривал с помощником капитана. «И был прав», – подумал Макаров, направляясь к единственному свободному месту в ряду кресел: между сыном и брюнеткой.

– Так как насчет выпивки, сеньор?

Макаров поднял руку в знак протеста:

– Вы будете пить, топя наполненный горечью обиды танкер, а мой фрегат при этом понесется мимо под парусами счастья от выигрыша. Это несправедливо.

– Зато справедливо то, что вы говорить, – согласился Пабло и, зажав крепкой еще пятерней ягодицу своей спутницы, повел ее на выход. В другой руке он держал бутылку текилы.

– Вы не испанец и не американец, – сказала женщина Макарову. – Вы из Восточной Европы?

– Восточнее некуда, мэм. Я из России.

– Вот вы назвали меня «мэм», – тотчас заметила она, прикладывая горлышко бутылки с золотистым «Миллером» к невероятно трогательным губам. – А между тем я – мисс.

– Мне показалось, вы с дочерью, – заметил, улыбаясь, Макаров.

– Что не мешает мне оставаться мисс.

Этот бестолковый разговор волновал Макарова куда меньше поведения молодого красавчика. Ставя перед собой рукой шар, он с силой запускал его в кучу малу на столе. Раздавался треск. Потом стук о борта. Что-то сваливалось вниз и, грохоча, как грохочут вагонетки по рельсам, перемещалось внутри стола. Закончив с одним шаром, крепкий молодой человек брал другой и, не целясь, колотил по нему кием. Если бы Макарову не казалось, что тот пришел сюда для разговора, то он был бы уверен, что этот парень пришел, чтобы уничтожить шары. Но паники или раздражения на лице молодого человека не было.

– Как вы оказались на этом корабле?

Голос женщины был приятен и мягок.

– Моему сыну была нужна хорошая морская прогулка. И я решил увезти его на Кубу самолетом, чтобы оттуда морским путем начать возвращение. В Гаване мы немного повеселились, а когда ему наскучили гитары и барабаны, я купил билеты на этот туристический рейс... Вы позволите? – Макаров вынул пачку сигарет. Женщина улыбнулась и вынула свои. – Организаторы тура обещали знакомство с Багамами и не подвели. В Нассау мы с Питером гульнули и вот теперь направляемся на Бермуды. Оттуда я намерен отправиться в Европу на самолете. – Щелкнув зажигалкой и поднеся огонек к сигарете женщины, Макаров проговорил: – Кстати, я видел вас в порту Нассау...

– Там мы и взошли на этот корабль. Знаете, – она игриво потрянула волосами, и они задели лицо Макарова, – Америка может свести с ума, если изредка не совершать сумасшествия, подобные этому. В прошлом году я была в Японии и чуть не умерла со скуки. А в этом году решила – будь что будет. Если меня не рассмешит Бермудский треугольник, значит, не рассмешит уже ничто.

– Я не знал, что Бермуды – острова смеха.

Звонко рассмеявшись, она коснулась рукой его руки.

– А с вами, кажется, и в открытом океане не соскучишься!.. Как зовут вашего сына?

– Питер.

– Немного необычное имя... Я имею в виду – для русского мальчика.

Макаров взял ее руку, отвел в сторону и мягко стряхнул с ее сигареты грозящий упасть ей на юбку пепел. Ей это понравилось. Она чуть задержала взгляд на лице Макарова. Взгляд, протяженностью в мгновение с сотыми долями его – не больше и не меньше. Столько, сколько необходимо. Без этих долей секунды взгляд женщины равнодушен, но если этих мгновений больше, он превращает заинтересованность во взгляд шлюхи.

– Вы внимательный мужчина. И любящий отец. Я уверена, что два этих качества позволяют вашей жене считать себя счастливой женщиной.

– Моя жена умерла. Мы живем вдвоем с сыном.

«Если она удивится странным перипетиям жизни, заставившим одинокого русского мужчину с сыном встретиться с одинокой американской женщиной с дочерью в океане, мне станет скучно», – подумал Макаров, глядя под ноги.

– В море много разбитых, но не потопленных кораблей, – заметила она и сладко затаилась. – Вы назовете свое имя, или мне представиться первой?

Макаров смутился.

– Простите, просто я очарован вашей красотой, оттого так неловок...

– Что ж, я тоже не села бы рядом с мужчиной, который бы не был интересен.

– Вообще-то, это я к вам подсел, – заметил Макаров.

– Вы бы не подсели ко мне, если бы я не сделала так, что у вас не оставалось выбора.

– Я не один, с кем в океане не скучно, – и Макаров хитро прищурился, глядя на ее растянувшиеся в улыбке губы, и протянул вставшему перед ним Питеру несколько купюр. Выгода юности заключается в отсутствии бессмысленных проблем при знакомстве. Юности не нужно занимать выгодных поз и демонстрировать глубину ума. Юности достаточно взяться за руки, подняться и направиться к игральным автоматам.

– Моя фамилия Макаров, – представился Александр.

Женщина переложила сигарету из руки в руку и протянула ему ладонь:

– Дженни. Я вас так и буду называть.

Молодой человек врезал последний раз по шару и положил кий на стол. А потом, не отрывая взгляда от Макарова, направился к выходу. Тот давно поймал этот взгляд, и теперь, когда они сцепились друг с другом мертвой визуальной хваткой, Макарову не оставалось ничего другого, как извиниться, пообещать

вернуться через пару минут и направиться следом.

Спустившись по лестнице на палубу первого класса, Левша остановился и развернулся. Сделал он это так неожиданно, что Макаров едва не наткнулся на него. Некоторое время они стояли напротив друг друга молча.

Понимая, что в этой ситуации должен заговорить именно он, Левша бросил:

– Вы не находите, что на этом корабле происходит что-то странное?

– Почему вы решили спросить об этом именно меня?

– Потому что вы единственный из русских, кто производит впечатление здравомыслящего человека.

Макаров решил подождать с благодарностью.

– Сейчас я пытался разыскать гида нашей группы, отправившейся из Гаваны в Гамильтон. Помните этого, вечно потного толстячка, любящего играть на губной гармошке и рассказывающего о Бермудских островах так, словно сам узнал о них только что?

– Помню... Что с того?

– Я не могу нигде найти его.

– Это не удивительно. Корабль большой. А вообще человек мог просто запереться в каюте и спать.

– Вы не поняли, – поправив волосы, разметанные ветром, Левша раздосадованно поморщился, – он не спит, а именно пропал. Я пытался его разыскать. И как вы думаете, что мне ответили по телефону в бюро экскурсий Гаваны?

Макаров пожевал губами. Ему не хотелось выглядеть неучтивым, тем более выглядеть неучтивым перед человеком, который только что признал в нем разум, но и посвящать время бестолковому разговору у него тоже желания не было.

– Как вас зовут?

– Вообще-то Евгений, но зовите меня Левшой. Я из Москвы. А вы?

– А я Александр из Калининграда. И вот что я скажу вам, Левша из Москвы: мне неинтересно все, что происходит на корабле. Я путешествую с сыном, и занимает меня только он.

Левша почесал нос.

– Не только он, как я заметил... Впрочем, я вас понял, Александр из Калининграда. Но так, на всякий случай: упомянутый мной гид с нашей группой работать уже не будет. Мне сказали, что он переведен для работы во второй класс. Я был во втором классе только что. О таком гиде там не слышали. И вообще, во втором классе никаких экскурсий не предвидится. Там пассажиры, следующие рейсом до Гамильтона. Честь имею, – развернувшись, Левша направился в бар, расположенный в самом конце палубы первого класса. На полпути он остановился и, точно зная, что Макаров стоит и смотрит ему вслед, хлопнул себя ладонью по лбу и развернулся: – Ах, да! Совсем забыл... Тот чертеж, что вы рисовали за столиком, незаметно для всех присутствующих сунул в карман помощник капитана. Интересно, с каких это пор первые лица на судне стали добровольно выполнять обязанности официантов?.. Я иду пить пиво.

И он ушел пить пиво.

Постояв некоторое время в одиночестве, Макаров вытянул из кармана, не вынимая пачки, сигарету, и чиркнул колесиком зажигалки. Подошел к поручню, взялся за него и стал любоваться шевелящимся океаном.

Неожиданный звук вывел его из задумчивости. Макаров недоуменно поморгал и посмотрел направо.

В десяти метрах от него, на краю затянутой в брезент спасательной шлюпки, сидела, отряхивая крылья, чайка.

Глава 4

Вспомнив о Питере и женщине, он пошел к лестнице, ведущей на верхнюю палубу. Проходя мимо бара, бросил туда взгляд. На стуле у стойки сидел Левша и медленными глотками пил из бутылки «Хайнекен». Зеленая, овальная этикетка. Не спутаешь ни с каким другим. Левша сидел, пил и смотрел на Макарова, который шел мимо и смотрел на него.

- Вы хозяин своего слова, - заметила брюнетка, взглянув на наручные часы. - Вас не было ровно две минуты.

- Две? - удивился Макаров. - Я думал, пятнадцать. Ну, как бы то ни было, рад, что в этой ситуации смог продемонстрировать вам не один из своих многочисленных пороков, а одно из своих преимуществ, которых во мне так мало. Уважение к данному слову я считаю богатством, которое не следует проматывать. Чем они заняты? - он кивнул на детей.

- Пытаются присвоить джекпот этого автомата. Ваш сын щедр.

- Просто он еще не знает цену деньгам.

Питер в это время стоял и смотрел на игровой автомат. Глаза его были подернуты странной пеленой, пальцы на сцепленных на животе руках шевелились, не останавливаясь.

- Попробуй еще раз, - попыталась вдохновить его девочка.

- Бесполезно, - подумав, ответил Питер.

- А ты попробуй.

- Зачем пробовать, если я точно знаю, что это бесполезно.

- А если вместо тебя попробую я?

- И это будет бесполезно. Но если ты кинешь второй жетон, то выиграешь двадцать.

Девочка рассмеялась.

- Как ее зовут? - спросил Макаров.

- Берта.

- Она сейчас выиграет двадцать монет.

- Почему вы в этом уверены?

- Пари?

- И что мне попросить в том случае, если вы проиграете?

Макаров посмотрел на нее.

- А чего бы вы хотели?

- Я хотела бы видеть вас, Александр, в своей каюте через пятнадцать минут.

Он пожал плечами:

- Тогда доверимся судьбе. Если Берта выигрывает двадцать монет, вы поднимаетесь и уходите к себе. Я передаю Питера и Берту на попечение старику-мексиканцу и его подружке и прихожу к вам.

В ее глазах блеснуло разочарование.

- Что-то не так? - спросил Макаров.

- Я просто подумала, как быть, если вы все-таки проиграете. Что, если в поддон не сыплются двадцать монет, или сыплется десять или тридцать? - женщина, улыбнувшись, опустила глаза. - Вы будете уже не правы. А мужчина, который не

прав, не лучшая награда женщине... Если вы проиграете, нам лучше больше не разговаривать до конца путешествия. Потому что вы только что поставили в зависимость от случайности с шансом один на миллиард исполнение моего желания.

- Быть может, вам дождаться, пока Берта опустит второй жетон, и только после этого судить о моих намерениях?

- Но ведь вы же знаете, что сейчас проиграете! - Глаза красивой женщины блеснули, и это было уже не восхищение, а гнев.

- Попробуете довериться мужчине?

Отвернувшись, она без определенной цели щелкнула застежкой и раскрыла сумочку.

- Кажется, идти напролом - та самая, одна из множества... Мне очень жаль... - она подняла огорченный взгляд.

- Бросай, - приказал Питер Берте.

- Ты уверен?

- Дергай ручку!

- Так вы принимаете пари? - поинтересовался Макаров.

- Простите... - ей хотелось подчеркнуть возникшее между ними отчуждение, - Макаров... Но я не играю в рулетку на свою постель... Берта! Мы уходим...

- Сейчас!..

Макаров сидел и смотрел на фигуру уходящей Дженни. Он не был с женщиной больше года. И сейчас, разглядывая ноги Дженни под соблазнительным мини, тонкую талию и шелк волос, испытывал желание, сравнимое с жаждой. Барабан, треща, крутился, и женщина, терпеливо ожидая девочку, развернулась к Макарову боком. Теперь он видел ее грудь, и желание впитаться в нее губами и

застонать от наслаждения стало душить его мертвой хваткой.

Руки ее опустились, когда поддон зазвенел под градом добычи.

- Дженни! - восхищенно вскрикнула Берта. - Я выиграла!

Макаров не мог оторвать взгляд от Дженни. Он водил им по линиям ее тела, чуть запинался о выступающую сквозь тонкий хлопок резинку ее трусиков, видел контуры вдавленного в ее тело бюстгальтера и думал о том, что испытывал бы, если бы ему позволено было ко всему этому прикоснуться.

- Немного, но расходы окупилась, - по-хозяйски заметил Питер. Он сгреб из поддона жетоны и пересчитал. - Двадцать. Играем дальше?

- Конечно! - не понимая, к чему такой вопрос, согласилась Берта.

Макаров невозмутимо прикуривал, когда женщина вернулась.

- Что происходит?..

- Берта только что выиграла двадцать монет.

Дженни смотрела на мужчину беспомощно-восхищенным взглядом. Она понимала, что сейчас от него ничего не зависело, но сам факт, что он оказался прав, ее возбуждал.

- Нет... - упрямо прошептала она. - Я очень хочу знать, что сейчас произошло.

- Ничего особенного. Я предложил вам пари, от которого вы отказались. Разве теперь имеет смысл разговаривать на эту тему?

Она обшарила его взглядом.

- Скажите мексиканцу, чтобы он не вздумал предлагать Берте острых блюд. Она аллергик. Когда мы отправлялись в путешествие, нам выдали билеты в двенадцатую каюту.

Она встала и, приложив руку ко лбу, спустилась по лестнице на палубу первого класса. Вскоре звук ее босоножек стал неслышен Макарову.

Через две минуты Макаров с детьми стоял на юте, обговаривая с мексиканцем роль няньки.

– Ты – хороший парень, я возьмусь рассказать этим двоим молокососам о золоте инков, – кивнул старик. – Но хочу тебя предупредить, что только что я намеревался побарахтаться с этой девочкой, – он кивнул на метиску-блондинку. – Я старше тебя вдвое, сам понимаешь, – он взялся за ремень и подергал его вверх-вниз, – годы уже не те. Пока я к бою готов, но через четверть часа, боюсь, мой стальной друг устанет ждать.

– Четверть часа, – пообещал Макаров.

У ее каюты он остановился, взялся за ручку и провел ладонью по лицу. Что ему теперь, всю жизнь мучиться?..

– Ты видишь будущее?.. – прошептала она с закрытыми глазами, забираясь руками под его рубашку.

Макаров целовал ее ухо, одной рукой ища застежку на бюстгальтере, второй тянул вниз резинку трусиков.

– Отчасти...

– Тогда предскажи... что ждет нас совсем скоро...

– Грязные ругательства на испанском языке...

Калининград, июль 2009-го...

Питер подтянул одеяло и закрыл глаза. Раньше Макаров думал, что бессонница Питера связана с боязнью темноты, и поэтому, уходя, оставлял свет. Сразу после его ухода Питер вставал и щелкал выключателем. Мрак живо проникал во все

уголки комнаты, забирался под кровать и там замирал. И тогда Питер укладывался и с закрытыми глазами ждал.

Вот и сейчас он лежал и ждал. Вчера он сказал отцу, что темнота ему не помеха. «Точно?» – переспросил тот. Питер сказал, что он знает. И отец, потрепав его по плечу – целовать сына он перестал, когда Питеру исполнилось в сентябре двенадцать, – вышел.

«Если он остановит машину и заглушит двигатель, то потом ее не заведет, – думал он, моргая закрытыми глазами. – Зато они помирятся».

Проходили пять минут, шесть, семь... Это были самые ненавистные минуты. Питер не знал наверняка, когда подъедет машина, но был уверен, что она обязательно появится. И это ожидание лишало его сна. Нужно было ждать. Питер не знал, кто подъедет, но машина будет непременно – «Вольво»; мужчина – в короткой кожаной куртке, женщина – в брюках. Остальное представлялось смутно. Разговор будет о ребенке. Мужчина будет кричать на женщину, потому что та убила ребенка. Питер засомневался только насчет куртки. Духота на улице такая, что кожаная куртка, хотя бы и короткая, – это чересчур.

Каждый раз, когда такое случалось, Питер ждал. Вовсе не потому, что хотелось убедиться, что он до сих пор способен это делать. Напротив, он ждал, что ошибется. Что не подъедет машина. И не будет мужчины в короткой куртке, и разговора меж ним и женщиной об убийстве ребенка он не услышит. Сколько ждать? Питер не знал. Поэтому – не спал. Нужно было дождаться.

Это противоречие загоняло Питера в тупик. Он хотел избавиться от своей странной болезни, однако бдением своим лишь укреплял ее корни. Невыносимое предположение, что он делает что-то не так, изводило Питера. Но он не знал, что нужно делать. Никто не знал. Отец – тоже. А если отец не знает, значит, нужно привыкнуть и просто дожидаться. Тогда болезнь уйдет сама. Проверит на прочность, убедится, что Питер крепок, и покинет его, давая возможность спать и опаздывать в школу.

Иногда предполагаемые им события приходили очень скоро. Чаще их приходилось ждать. И Питер послушно лежал, думая о том, что на тумбочке рядом с кроватью стакан с апельсиновым соком, он стоял там вчера, позавчера, он стоит на тумбочке этой столько, сколько Питер себя помнит. Рядом со

стаканом – листья салата и тонкий тост. Когда не спишь, голод приходит сам собой. Питер знал, что другие дети не встают ночью, чтобы поесть, они спят, а потому не слышат голод. Звуки и цвета сна отвлекают их от неприятной обязанности есть круглосуточно. Он же – не спит, его мозг работает. И когда истощает себя, начинается голод. За последние два года Питер заметно поправился, он стал выше одноклассников. Понимая, что происходит, и по совету доктора отец оставлял на ночь рядом с Питером листья салата и крошечный тост. Ну и сок, разумеется. Не мог же он заставлять Питера голодать... Но и позволить сыну объедаться по ночам он тоже не хотел. Отец хотел, чтобы сын выглядел как обычный ребенок. И с этой мыслью каждый вечер приносил ему стакан сока и тарелку...

Машина подъехала через полтора часа. Синий «Вольво» резко затормозил у тротуара дома напротив, и Питер, откинув одеяло, подошел к окну. Шторы были прозрачны, как кенигсбергский туман над водой в сентябре – безжизненный, безразличный к тому, что его скоро не станет.

Питер сдвинул штору в сторону.

Мужчина заглушил двигатель, вышел из машины, прошел несколько шагов и в отчаянии схватился за голову. Окно было открыто настежь: Питер слышал все, что происходило на улице.

Клацнула вторая дверца, и на улице появилась женщина в брюках. Подойдя к мужчине, она осторожно, словно опасаясь последствий, взялась рукой за оттопыренную полу его короткой куртки. Мужчина не вырывался, просто стоял, обхватив ладонями голову, и полы его куртки торчали из-за спины, как сложенные крылья.

– Саша...

– Ты выпотрошила себя! – вскричал мужчина, не стараясь выглядеть прилично перед распахнутыми из-за жары, да так и заснувшими окнами. – Ты выпотрошила себя, как рыбу... ты позволила сделать это!..

– Саша, я говорила, что он не твой!.. – закричала и женщина. Питер видел, как глубоко и сочно блеснули ее глаза в свете фонарей. – И ты знал это! Я не могла, понимаешь, не могла допустить... Ты... Я не знаю, как бы ты относился к нему...

Почему ты так жесток ко мне?..

– Уходи, – коротко бросил мужчина и направился к машине.

– Саша!..

– Уходи!..

Питер видел, как мужчина сел за руль и повернул ключ в замке зажигания. Почмокав каким-то сосущим звуком, двигатель замолчал. Мужчина попробовал завести его во второй раз. Двигатель ответил ему, не балуя разнообразием звуков.

Опираясь рукой о капот и подвернув ногу, женщина обежала машину и взялась за ручку с другой стороны машины. Мужчина что-то нажал, и теперь двери не открывались. И женщине приходилось рвать дверь на себя, потому что она очень хотела попасть в машину. Она делала это самозабвенно, изо всех сил, так что волосы ее цвета уставшей цвести ржи взлетали над головой и сверкали в свете фонаря, как золотой огонь.

Питер видел, как мужчина сидит, положив голову на руки. А потом дотянулся снова до чего-то, и Питер услышал щелчок. И женщина чуть не упала назад. Лишь в последний момент она успела переступить, чтобы сохранить равновесие.

Она бросилась на шею мужчине, и тот ее принял. Она плакала, а он молча смотрел перед собой сквозь стекло. Через две минуты двигатель все-таки завелся. Они уехали. Улица поворчала газетным листом, гонимым появившимся откуда ни возьмись порывом ветра, и снова забылась.

«И ни слова о ребенке и убийстве, – заметил Питер, забираясь под одеяло. – Я всегда угадываю события, но часто все происходит не так...»

Он попытался заснуть. Глупое занятие... Питер знал, что не заснет. Свесив ноги с кровати, он взял с тумбочки стакан и, вздохнув, стал засовывать в рот салатный лист. Он жевал его самозабвенно, как ест чувствующий нешуточный аппетит ребенок. Но вдруг перестал, поставил стакан на тумбочку и быстро пошел к окну, бормоча на ходу:

- Неужели ее котята настолько окрепли, что она решила прогуляться?

Питер снова откинул шторы, хотя даже сквозь нее было видно, как за углом, воровато торопясь, скрылась тощая трехцветная кошка.

Питер вернулся к кровати и принялся за тост.

От стены с той стороны двери оторвался отец. Спустившись вниз, на первый этаж дома, он сел в кресло и стал смотреть на мерцающий в темноте огонь электрического камина.

- Сегодня мы не пойдем в школу, - сказал он утром.

После смерти мамы отец сильно изменился. Он оставил службу на флоте и даже говорить стал не так, как раньше. Из его неисчерпаемого багажа слов пропали «я» и «ты». И чаще чем положено зазвучало то, что Питер очень редко слышал при жизни матери - «мы». Теперь они мыли машину, убрали в квартире, ездили по делам и ходили в школу. Питер принял это не сразу, хотя еще год назад, когда мать была жива, он сиял от радости, слыша: «Мы идем сегодня на футбол». А сейчас Питеру казалось, что с нетерпением ожидаемое после появления из похода отца «мы» натянуто, фальшиво и неестественно. Но отец любил Питера, и последний, как и всегда, обязался привыкнуть и к этому.

Он не стал спрашивать отца почему. Видимо, есть особые причины, чтобы не идти в школу. Своей фразой отец разжег любопытство Питера, но тот знал, что просто так в этом доме ничего не говорится.

- Сегодня контрольная по русскому, папа, - лишь напомнил мальчик.

- Русская словесность не много потеряет из-за того, что ты сдашь контрольную не сегодня, а завтра. Нам нужно съездить к одному человеку.

- К седому мужчине в сером костюме с золотой ручкой в кармане и горбинкой на носу?

Отец допил кофе и поставил чашку на блюдце. Почесал висок, как всегда делал в минуты раздумий.

– Я не знаю, в каком он будет костюме и как он выглядит. Достаточно того, что у меня есть надежда услышать от него совет. А во что он будет одет, это, Питер, неважно.

Питер не верил, что его можно вылечить. Вчера отец читал газету и, уходя из дома, оставил ее в кресле. Красным маркером, лежащим на полу рядом, было обведено объявление о том, что в город приехал известный психиатр. Питер даже запомнил его имя – Вацлав Чески. Поляки – частые гости в Кенигсберге. А отдыху в Испании многие калининградцы предпочитают Польшу. Что может сказать отцу поляк? То же, верно, что и прошлогодний москвич. Питье по его совету седативных горячих напитков привело к тому, что Питер три недели ходил словно в состоянии солнечного удара. Он забывался – да, но видел такие кошмары, что лучше бы он, как и прежде, бодрствовал.

– Как скажешь, отец.

Их новенький серебристый «Лексус-400h» стоял на парковке, дыша мощью. Когда они остались вдвоем, отец продал то, что осталось от маминой машины, и свой «Мерседес». Сложенные вместе, суммы от продаж позволили купить эту машину, но Питер понимал, что в «Лексусе» все-таки больше «Мерседеса», чем «Ауди», поскольку пачка денег от реализации маминой машины была тонка, как спичка.

– Мы пристегнемся, – напомнил отец.

Питер вытянул из-за плеча ненавистный ремень и защелкнул замок.

Он был обычным двенадцатилетним ребенком, чуть выше сверстников, чуть плотнее, с уставшими от жизни серыми глазами и припухлыми, как у мамы, губами. Когда Питер откликнулся, он сначала поворачивался корпусом и только потом пронзал взглядом. Время от времени он поднимал руку к лицу и короткими, с обгрызенными ногтями – предмет постоянных придирок отца, – пальцами растирал веки. Иногда забирался в нос, но тотчас убирал руку, когда вспоминал, что отец рядом. Морской офицер Северного флота, Макаров был капитаном второго ранга. Он служил бы, верно, и дальше, если бы не приключившаяся в семье беда. Переслужив всего год после выслуги, сразу после похорон матери он оставил службу и полностью предался заботе о Питере. В доме они оба больше молчали. И когда тишина становилась невыносимой, когда

превращалась в такую тугую пелену, что ее впору было резать ножом, тогда кто-то из них пытался обозначить свое присутствие, а второй тут же поддерживал разговор согласными замечаниями. У обоих ничего не получалось. И снова повисала тишина, только теперь, не в пример первой, – стыдливая.

Они оба не знали, что делать с этим смущением, поселившимся в их доме после ухода женщины. Питер и отец оказались не готовы к таким переменам, и ничего с этим нельзя было поделать.

«Лексус» скользил по улицам Кенигсберга, уходя от центра города. Питер помнил, что было написано в том объявлении. Профессор Варшавского университета, известный в Европе психиатр приглашает для консультаций в отель «Анна». Где находится этот отель, Питер, конечно, не знал. Он плохо знал город. Сначала он был окружен заботой матери, теперь – отца. И неизвестно еще, чья опека строже. Конечно, они ходили на футбол, ездили за город, и к Питеру в гости приходили друзья. Но друзья никогда не имели возможности принять Питера у себя. Потому что он никогда не выходил из дома без отца.

– Мистер Чески ждет нас в гостинице «Анна», Питер. Это в четырех километрах от нашего дома, рядом с питьевыми озерами.

Питер почувствовал приход неприятного ощущения. Так случалось всякий раз, когда приближалось Это.

– Папа, мы не должны туда ехать.

Отец ничего не ответил. Казалось, на сегодня он исчерпал все темы разговоров, и было бы с его стороны расточительством выслушивать еще и чужие замечания.

– Ты слышишь меня, папа?

– Питер, я знаю, что ты не любишь удаляться от дома. Но мы должны встретиться с мистером Чески, понимаешь?

Отец не отступит. Все-таки ему видней, подумал мальчик и обмяк на сиденье, устраиваясь поудобнее. Но уже через пять или семь минут «Лексус» замедлил ход, и отец стал выворачивать руль, въезжая на парковку перед невысоким

зданием. Архитектор постарался, чтобы здание походило на старинное. Невыразительный, но готически подчеркнутый вход, белые стены, строгие окна.

– Нам лучше вернуться домой, папа, – робко сказал Питер.

Не отвечая, отец захлопнул дверь и положил руку ему на плечо.

– Мы поговорим и сразу вернемся. Хочешь, вечером сходим в кино?

Хоть куда. Только не в гостиницу «Анна».

Глава 5

Лайнер гражданского флота Ее Величества «Кассандра», зафрахтованный американской туристической компанией «Реалити», вышел из Гаваны и взял курс к Бермудским островам через острова Багамские 23 августа. Ночь 24-го и два последующих дня пассажиры провели в Нассау, а утром 26 августа «Кассандра» легла на галс по направлению к Бермудским островам. Организацией этого маршрута два года назад занялись менеджеры «Реалити», и сейчас это был самый рентабельный тур в Карибском бассейне. Быть может, потому, что это был первый рейс «Кассандры». Как бы то ни было, среди кают первого и второго классов не было ни одной свободной. Более того, на берегу осталось много желающих оказаться на борту, но не сумевших достать билет. Сказочная, горящая огнями Гавана, город, в котором живут самые нищие, самые свободные и оттого, наверное, и самые счастливые люди на планете, Багамы – с горячим ветерком и склонившимися к воде пальмами, и, наконец, главная загадка планеты – Бермуды, – многое обещало незабываемое путешествие. Кроме того, компания «Реалити» умела смотреть вперед. Все пассажиры «Кассандры» получали возможность вернуться из Гамильтона самолетом, цена билета входила в стоимость тура.

И теперь судно, небольшое, кстати, по размерам, но мощное, спущенное со стапелей голландской судостроительной компании «Антерлей», шло уверенным курсом к Бермудским островам.

Вечером 26 августа капитан Эндрю Джексон, которого не знал в лицо ни один из пассажиров, был вынужден отдать приказ лечь в дрейф. Говорят, у капитана Джексона было плохое самочувствие и он не испытывал желания выйти и познакомиться с пассажирами.

Пассажирам было велено не беспокоиться, а просто спуститься в каюты, потому что какое удовольствие торчать на палубе, по которой стелется сырость, а вокруг не видно ни зги? – а команде занять свои места. Убедившись, что стрелки приборов показывают странные величины, компас шалит, а радиостанция работает с помехами и в эфир рабочей частоты гражданского флота вмешиваются то аргентинское танго, то новости из Венесуэлы, Джексон отдал команду включить сигнальные огни и лечь в дрейф.

Левша, не привыкший подчиняться чужим приказам, поднялся на палубу сразу, как только с нее ушли в каюты другие. Войдя в бар с крышей, но без стен, он попросил порцию виски и бутылку пива. Заказ бармена не удивил. На борту было много чудаков. От них поступали и более странные просьбы. Например, две бутылки «Кристалл» стоимостью в пять тысяч долларов каждая попросил мексиканец с иконой на груди. Двое молодых русских мужчин десять минут назад потребовали бутылку русской водки и восемь бутылок пива, а двое итальяшек – коробку апельсинового сока на двоих. Последние, кстати, очень не понравились бармену. Вызывающе спокойные, они тем и были подозрительны. Отправляющиеся в увлекательное путешествие путники не предрасположены к излишней сосредоточенности. Эти же смотрели на всех такими взглядами, как если бы находились с миллионом наличных в нью-йоркском Гарлеме. Кейс у них между тем был. С ним не расставался тот, что был ниже ростом и имел привычку руки держать на животе. Бармену казалось, что он держит руки так, чтобы бронированным кейсом защитить самое дорогое, что у него есть. Бронированный кейс – это придумка бармена. Он решил, что если кто-то и утром и вечером разгуливает по палубе первого класса с чемоданчиком, значит, в чемоданчике лежит нечто, что дорого стоит. Раз так, то и содержащее должно соответствовать содержимому.

– Сегодня бар пуст, – сказал Левша, опрокидывая виски и щурясь в туман. Он поставил стопку. Провел пальцем по стальной стойке, подпиравшей легкую крышу с тентом. Палец скользнул по ней, оставив влажный след. Все – палуба, окна и даже барная стойка – было покрыто росой. Туман был так густ, что грозил кораблю потопом.

– Капитан просил всех удалиться с палубы, – ответил ему бармен. – Впрочем, на некоторых такие просьбы не действуют.

Левша посмотрел на него и кивнул на бутылку. Вообще, он намеревался выпить ее в каюте и лечь. Но затянувшееся одиночество раздражало его все сильнее и сильнее. Чем дальше шел корабль, тем больше ему хотелось находиться среди людей. А в их отсутствие – хотя бы в обществе негра-бармена. Последний, щелкнув открывалкой, освободил «Хайнекен» от пробки и поставил рядом с бутылкой стакан.

– Интересная здесь публика, старик, не находишь?

Подняв брови и пожав плечами, похожий на Моргана Фримена бармен налил порцию виски.

– За счет заведения, – и закинул на плечо полотенце, которым протер стойку. Опершись на локти, он доверительно наклонился к Левше. – Очень странные люди на этом судне, приятель, – почти слово в слово повторил он сказанное. – Много русских. Эти идиоты пьют что попало, и им никогда не становится плохо. Пять минут назад на этом стуле сидел филиппинец. Заказал водки, нет, не порцию... стакан, в каком я подаю коктейли. Туда входит десять унций, представляешь, чувак? Я налил... И он выпил. Залпом.

– Может, человек решил разлить ее по стопкам уже в своей каюте?

– Быть может. Но мне-то показалось, что он ее как раз не очень любит. Потому что в стакан с водкой он засыпал какой-то травы, потом травы – из другого пакета, следом – какой-то толченой гадости. И выпил. Я намекнул этому идиоту в кедах и драных джинсах, что в моем заведении такие штучки не проходят и что если он намерен и в дальнейшем баловаться наркотиками, то – не здесь. И ты представляешь, что мне ответил этот сукин сын?

– Не представляю, – Левша выпил вторую стопку. Внутри разлилось благодатное тепло, Морган Фримен помолодел. Сейчас он выглядел не как в «Брюсе всемогущем», а как в «Шофере мисс Дейзи».

– Он сказал мне: «Нужно много спать. Запомни, чернокожий человек: нужно много спать. День спать нужно». Потом вынул мятую десятку и расплатился. Но

вернулся и попросил еще водки. Я снова наполнил стакан. Он снова выпил. И вынул такую же мятую десятку. Если бы он вернулся и заказал водки в третий раз, то расплачивался бы он со мной уже, наверное, тряпочкой. После второго стакана он подобрел, но взгляд-то не сменишь. Взгляд по-прежнему оставался безумным. Я не успел вовремя смахнуть десятку в кассу, так он давай в нее тыкать и приговаривать: «Кто не будет сегодня спать, тот никогда не увидит вот этого», – вырвал десять долларов у меня из рук и стал показывать мне. И глаза – красные, как у идиота... – Нервно поморгав, бармен пожаловался: – Моей маме сегодня восемьдесят, и лучше бы я имел хорошее настроение и пил джин с тоником, вместо того чтобы разговаривать с кретинами, сэр.

По этому «сэр» Левша догадался, что чернокожий и впрямь расстроен.

– Позвоните ей и скажите, что у вас все в порядке, – посоветовал он. – У мамы улучшится настроение, а это значит, что и вы повеселеете.

– Я бы рад, да мой телефон вышел из строя.

Левша шевельнул плечами. Знакомое ощущение. Мокрый хлопок, прилипший к телу. Кажется, он никогда не сможет от него избавиться.

– И что филиппинец? Очень странно, что на этой палубе оказался кто-то в драных джинсах и кедах.

– У богатых свои причуды, приятель, – ответил бармен. – Человек просто не в себе. Ну и опять же – Бермудский треугольник... – обратив внимание на появившийся в руках Левши бумажник, лже-Фримен откачнулся от стойки и превратился в ожидание.

– Еще виски. И я пошел спать. Намерен воспользоваться советом твоего чудаковатого посетителя.

– Как скажешь, – бармен перевернул бутылку с дозатором над стопкой. – А он попросил бутылку гавайского рома. Просто ничего крепче в баре не оказалось. Он просил что покрепче...

Расплатившись за последнюю порцию и прихватив с собой плоскую бутылку «Блэк Хорс», Левша поднялся с палубы и вошел в коридор, по обе стороны которого располагался блок кают первого класса. Прижавшись к стене, он уступил проход молодой паре – любителям поговорить о семейных неурядицах на свежем воздухе: мужчины с бесоватым взглядом и его жены. Шествуя молча, они миновали его, и Левша услышал, как по металлической лестнице цокают каблучки женщины. Но до того, как они миновали его, он увидел нечто, что при других обстоятельствах было бы событием непримечательным – подумаешь, сережка у девчонки чуть погнулась. Но Левша готов был поклясться, что, когда он последний раз видел женщину, круглая, как гимнастический обруч для мышки, серьга в ее правом ухе была идеально круглой формы. Теперь же была чуть согнута. Хмыкнув, он направился своей дорогой.

«Нужно спать, – вспомнил он слова бармена. – Иначе я не увижу... Чего, денег? Странно, я думал, что их не увидишь, как раз если будешь спать».

Добравшись до каюты, он увидел в коридоре Макарова. Сбавив шаг и желая скрыть, что удивлен, он сунул руку в карман и вынул ключ с брелоком.

– Хороший сегодня день.

– Я хочу поговорить с вами, – сказал Макаров. – Об этом судне.

– Я думал, вас занимает только ваш сын.

– Именно поэтому я и хочу поговорить о судне. Мне показалось, что вы один из немногих, кто замечает странности.

Вставив ключ, Левша провернул его, толкнул дверь внутрь и замер на входе. Макаров прошел внутрь.

– Убежище холостяка?

В каюте, в которую Левша запретил входить персоналу в его отсутствие, царила неразбериха. Брошенный на пол плед, смятая постель, подушка, до сих пор хранящая форму затылка хозяина. На крючке напротив кровати висели повешенные за лямку для ремня джинсы.

– Выкладывайте, что вам нужно.

– Я видел чайку.

– Поздравляю, – Левша вынул из кармана широких шортов пластиковый, выпрошенный у бармена стаканчик, плеснул в него виски и протянул Макарову. – Если бы знал, что вы заглянете, прихватил бы два. Пейте быстрее. Нам нужно прикончить эту бутылку в течение десяти минут, потому что я намерен отрубиться.

Макаров подумал и вылил виски в рот. Прижал кулак к носу, затаил дыхание. Он сказал, когда Левша наливал себе:

– Если верить моим подсчетам, мы находимся в открытом океане. Здесь не должно быть чаек, однако я видел собственными глазами одну, усевшуюся на шлюпку у борта.

– Мы это уже обсудили. Что было на том чертеже, который свистнул старпом?

– Вычисления направления движения судна и координаты.

Левша чуть помедлил со стаканчиком.

– Вы моряк?

– Мои подсчеты привели к тому, что я рассмеялся.

– А! Вы – плохой моряк?

– Скорее всего, – ответил Макаров, – потому что мои наблюдения заставили меня сделать вывод, что мы не между Нассау и Гамильтоном, в районе двадцати восьми градусов северной широты и семидесяти градусов западной долготы, а в районе двадцати—двадцати трех градусов северной широты и шестидесяти пяти градусов западной долготы.

– И... что это значит? – Левша присел на край стола, продолжая сжимать стакан в руке.

– Это значит, что мы вышли из Бермудского треугольника и покинули Саргассово море. И теперь двигаемся не в Гамильтон, столицу Бермуд, а на восток.

– Но в этом направлении... – пробормотал Левша.

– В этом направлении ничего нет, следующая станция – Канарские острова у юго-западного побережья Африки. – Макаров почти силой забрал стаканчик с виски и выпил. Тут же сам налил и протянул собутыльнику. – Рядом нет земли, но я видел чайку на судне. Это значит, что земля рядом. А еще со мной сын, который видит будущее. Все это меня, знаете, немного напрягает. – Вылив остатки виски в стакан, он замер и посмотрел в иллюминатор. Но уже через мгновение спиртное обожгло желудок, и он выдохнул.

Оставив в покое стакан, Левша сел на кровать и откинулся на переборку. Он прикрыл глаза и словно выпал из реальности и утратил связь с действительностью. Макаров никуда не торопился. Питер спокойно спал в их запертой каюте. Вынув сигареты, он закурил. И в этот момент Левша словно очнулся. Приоткрыв веки, он пробормотал:

– Как это – видит?

– Если бы я знал ответ на этот вопрос, меня бы не было на этом корабле. Врачи посоветовали сыну длительную морскую прогулку. Только я уже сомневаюсь, что и это последнее средство поможет.

Левша саркастически поднял брови.

– А зачем вы боретесь с таким замечательным качеством своего ребенка?

Макаров пришел сюда не затем, чтобы обсуждать проблемы своей семьи.

– Евгений, меня сейчас беспокоит другое. К слову, я не хочу, чтобы этот наш разговор стал достоянием окружающих. Я вам доверяю, но на других это с трудом выведенное чувство не распространяется. Поэтому давайте лучше поговорим о деле.

– Какая знакомая фраза – «поговорим о деле», – усмехнулся Левша и, поднявшись, взял бутылку и потряс ею. Выпил он уже предостаточно, но сегодня был тот редкий день, когда ему не хотелось останавливаться. – Значит, ваш сын – предсказатель. Тогда скажите, почему он не объясняет подозрительных звуков, о которых мы говорили. Крик, плеск воды? Если мы, смертные, это знаем, то ему-то, предсказателю, это должно быть хорошо известно.

– Если он ничего не видел, значит, это нас не касается.

– Не понял. Нас не касается, что наш гид исчез? – Каюта первого класса была втрое больше каюты второго. И Левша, обойдя Макарова, стал прохаживаться от стены к стене. – Послушайте, Макаров, ведь мы оба думаем об одном и том же – гид выпал за борт. И ничего странного не было бы ни в крике, ни в плеске воды, когда бы утром помощник капитана сказал: какое горе! Но помощник уверяет, что никто за борт не падал. И что гид отправлен на палубу второго класса. Однако я там был! И там никто об этом человеке ничего не слышал!.. А это означает, что гида выбросили за борт! И эта чайка, вами увиденная... И эти ваши сомнения и подсчеты... Что ж, давайте будем считать, что нас это не касается. Ведь ваш сын не считает это важным... Вы заметили, что я острою?

– Заметил.

– Тогда какого черта вы врете о своем сыне? Давайте лучше позвоним в Гамильтон, в Нассау, в Гавану, в конце концов! В полицию! Пусть разберутся с этими странными явлениями, минуя вещицы сны вашего сына!

– Хотите выпить?

Левша мгновенно остыл.

– Хочу.

– Тогда пойдем выпьем.

По дороге в бар Макаров сказал:

– Я звонил в полицию Кубы, Багамских и Бермудских островов.

– И что?

– Связь не работает.

– Что значит – не работает связь? Быть того не может!

На палубе стояли двое: те самые, выясняющие свои отношения супруги. Маша, взявшись за поручень, смотрела в туман. Со стороны это выглядело странно: упрямый взгляд в муть, начинающуюся у лица, может быть интересен только тогда, когда все остальные на свете занятия кажутся осточертевшими. Рядом с ней, спиной к спине, стоял молодой человек, ее муж, и старательно нажимал кнопки на своем мобильном телефоне. На пальце его сверкало, отражаясь в свете сигнального огня, обручальное кольцо с бриллиантами.

– Питер стал ошибаться, – неожиданно сказал Макаров, спускаясь вслед за Левшой. – И я не знаю, как к этому относиться. То ли мне беспокоиться, чувствуя приближение кризиса, то ли радоваться избавлению от напасти.

– Что вы имеете в виду? – вполголоса, они приближались к странной паре, спросил Левша.

– Полчаса назад, перед тем как заснуть, Питер видел мужчину, бьющего по лицу женщину. Он сказал, что они похожи на этих двоих... Ну, вы понимаете, мне он объяснил это иначе...

– Понимаю, и что дальше?

– Он сказал, что мужчина ударит и погнет кольцо. И вот сейчас я смотрю на руку мужчины и убеждаюсь, что кольцо его в полном порядке.

Сделав шаг вперед, Макаров натолкнулся на спину внезапно остановившегося спутника. Но вскоре их слегка пахнувшая дорогим виски процессия двинулась дальше.

– Послушайте, ваши телефоны работают?

- Наверное, в ваш пробралась влага, - сказал Левша, и женщина, услышав его голос, обернулась.

- Вы не могли бы одолжить мне свой?

- Хех!.. - усмехнулся Левша. - Мы как раз оставили их у меня в каюте!

Обрадованный появлению теперь уже «старого» приятеля, бармен обслужил их и отвлекся. Левша наклонился к уху Макарова и прошептал:

- Ты ведь встретился с этими двоими, перед тем как я подошел к каюте, верно?

- Последний раз я их видел на палубе за столом, во время разговора с помощником капитана.

- Черт!.. - вырвалось у Левши.

Бармен изумленно повернулся.

- Сэр, так вы - русский?.. Простите, я в прошлый раз себе позволил...

- Забудь, - махнул ему Левша. - Всем известно, что русские - идиоты... - И, наклонившись к Макарову, сказал: - Твой сын не ошибся.

Тот поднял тяжелый взгляд.

- Он ударил ее. И ее сережка погнулась. Кольцо - это ее сережка...

Калининград, июль 2009-го...

...Пан Чески встречал их в холле. Бросив на него мимолетный взгляд, отец несколько отвлекся, чтобы посмотреть на Питера, но вдруг резко дернул головой. Он уже давно не удивлялся ничему, что было связано с его сыном, но вид доктора его все равно озадачил. Вацлав Чески оказался высоким седым мужчиной, лет которому можно было дать с равной уверенностью и пятьдесят, и шестьдесят. Очки без оправы на длинном, чуть опущенном книзу носу с

горбинкой придавали ему вид скорее викинга, чем славянина. Костюм между тем на нем был синий, и это заставило отца улыбнуться краешками губ. Но перо – было. Кончик перьевой ручки виднелся из уголка нагрудного кармана пиджака и поблескивал в унисон очкам. «Не специально ли для этого он поместил в карман ручку?» – подумал отец, но вслух сказал тихо, невнятно:

– Здравствуйте.

– Не беспокойтесь, – поспешил объясниться доктор, – я говорю по-русски без акцента. Я долгое время жил в России, когда она была еще другой страной.

Его номер находился на первом этаже гостиницы и отличался сдержанной изысканностью. Альков, резная мебель и тяжелые шторы придавали помещению, чуть стесненному в размерах, атмосферу буржуазного снисхождения к гостям.

– Располагайтесь там, где вам покажется удобным, господа, – сказал доктор, выбрав для себя кресло, которое передвинул в центр комнаты.

– Я вкратце объяснил вам нашу проблему, – сказал отец, присев на краешек дивана, и Питер в очередной раз отметил для себя, что его проблемы с некоторыми пор отец превращает в общие.

Чтобы хоть как-то отвлечь себя от порядком надоевшего рассказа об их проблемах, Питер принялся крутить головой. Время от времени он подносил руку к лицу и тер глаза. Ничего примечательного в номере он не обнаружил. Квартира в центре города, в которой он прожил всю жизнь, и то была интереснее, окажись он там сейчас. Все красиво, но красота, слепленная специально, не продуманная. «Комната для сна», – вдруг подумал про себя Питер. Ощущение Этого к нему уже пришло и жило. Как гипертоник привыкает к высокому давлению и уже не впадает в панику во время криза, так и мальчик, привыкнув к проклятью, относился к нему как естественному присутствию внутри себя.

– Вы утверждаете, что Питер ощущает, или, как вы сказали, предвидит то, что должно вскоре случиться? – спросил доктор, дослушав рассказ Макарова до конца. – Если я скажу, что он предвидит все-таки не все, я не слишком погрешу против истины?

В соседнем номере, разделенном с номером пана Вацлава стенкой, слышались вовсе не странные звуки. Ритмичный стук спинки кровати о перегородку, частые сдавленные женские вскрики – все это вкупе указывало на то, что совсем рядом, метрах в двух от отца и доктора, мужчина и женщина предавались любовным утехам.

Чески улыбнулся и сказал отцу:

– Хвалебная ода тишине и покою на улице Тенистой в уютной гостинице класса люкс привела меня сюда. Простите, что разговор приходится вести на фоне эмоционального экстаза. Стоит перейти в другую комнату?

– Если только это отнимает часть вашего внимания, – ответил отец. – Я служил до недавнего времени на флоте, и к присутствию посторонних шумов привык, как к звуку машин за окном. Правда, слышать такие шумы на подлодке мне ни разу не приходилось.

– В таком случае не стоит беспокоиться. То, что я слышу, не отвлекает меня от дела. Так перейдем же к нему.

Отец провел пальцами по идеально выбритому подбородку. Удивительное дело – Питер всего два или три раза видел отца с отросшей щетиной. Впрочем, давно ли отец появился в доме постоянно, и давно ли Питер стал обращать на это внимание?..

– Пан Чески, после долгих наблюдений я обратил внимание на то, что Питер ощущает приближение только тех событий, которые каким-то образом связаны с ним лично.

– Как это понять?

– Именно так, как я сказал, – спокойно ответил отец. – Он видит грядущие события, если они связаны с его прошлым, настоящим и будущим. Так или иначе, прямо или косвенно.

Доктор улыбнулся и посмотрел на сидящего с отсутствующим взглядом Питера.

– Почему – Питер? Откуда это имя? Как Питер Пэн, он любит чудеса и даже готов убедить в этом взрослых?

Начинался обычный разговор. Обычно, когда разговор доходил до этого уровня, отец включал «гэйм овер», брал Питера за руку и уходил. Но сейчас его отчаяние забрело так далеко, что Чески казался единственным из тех, кто может помочь.

– Питер... – сказал он и осекся. Боль о жене рвала его сердце. На какое-то время она замирала, но, когда по вечерам он оставался один перед фальшивым камином или когда возникала нужда говорить о ней, он чувствовал, как седеет еще одна ниточка, из которых соткано его сердце. – Мы с женой... мы мечтали о том, как переедем в Питер. Служба моя была в разгаре, мы познакомились здесь, но оба родом были из Ленинграда. И в какой-то момент довели себя до сладострастных экзальтаций, мечтая о переезде. И когда появился Питер, мы не долго выбирали ему имя. Он был поздний ребенок, все лучшее было связано с ним, поэтому мы не листали святочный календарь, чтобы подобрать нужное имя.

Покачав головой, Чески прижал спину к спинке кресла.

– Вы упомянули в своем рассказе жену, и упомянули так, как если бы она просто не пришла с вами за отсутствием свободного времени. Между тем мне кажется...

– Вам не кажется, так оно и есть.

– Когда?

– Год назад.

Чески сложил ладони вместе:

– Простите.

– Ничего.

Питер не слышал и части того, о чем говорил отец со странным человеком. Он уже встал и разгуливал по номеру. Больше всего мальчика занимала огромная фотография гостиницы «Анна», висевшая на западной стене.

– Папа, нам нужно уехать отсюда, – сказал он, немигающим взглядом глядя на фото.

Но отец был слишком занят разговором, сулящим некоторые надежды.

– Мы можем проверить ваши предположения, – проговорил Чески. – Но я должен поговорить с мальчиком... Питер! Питер, дорогой, подойди ко мне, – взяв его за руку, Чески потрепал мальчишку за щеку и назвал его по имени в третий раз: – Питер, скажи, ты чувствовал что-нибудь этой ночью?

Питер кивнул.

– Расскажи, – попросил Чески, мягко улыбнувшись.

Питер поежился – ему было неприятно смотреть в колючие глаза доктора, и пересказал все, что случилось этой ночью у окна.

Когда доктор отпустил руку мальчика, он казался удовлетворенным. Отправив Питера исследовать номер, Чески посмотрел на отца.

– Вы утверждаете, что мальчик чувствует только то, что касается непосредственно его. То есть предполагаете существование неких волн, исходящих от ситуации, которые, добираясь до ребенка, активизируют его аномальные способности, – Чески поднялся, обошел кресло и оперся на его спинку. – Ваша версия заключается в особой чувствительности ребенка на события, могущие стать катализатором его сверхъестественных способностей... Но только что услышанная история позволяет мне сделать вывод о категорическом несоответствии происходящего на улице с судьбой ребенка. Питер говорит, что ощутил некую фабулу об убийстве ребенка. Из его пояснений следует, что он ошибся, предчувствия обманули его. Однако мы с вами понимаем, что это не так. Мальчик не ошибся. Все дело в его еще недостаточном знании этого мира, не так ли?.. – не дожидаясь ответа, доктор поджал губы и развел руки в стороны. – Я могу поверить в особенности вашего сына. Но тогда к черту летит ваша версия о подневольной избирательности им происходящих событий! Каким образом разговор мужчины и женщины на улице мог относиться к нему прямо или косвенно?

Прежде чем ответить, отец попросил разрешения закурить. И только когда после трех его выдохов кабинет наполнился сизым, пахнущим вишнями туманом, Чески услышал:

– Когда жена была беременна Питером третий месяц, меж нами произошел разлад. И тогда она приняла решение сделать аборт. Я должен был уезжать, стоял на вокзале с чемоданом, а она в этот момент уже лежала в гинекологическом кресле. Но в последний момент что-то случилось, и я бросился к телефону...

Сделав еще одну глубокую затяжку, отец рукой развеял дым перед лицом.

– Меня долго не соединяли, потом медсестра отказывалась идти в операционную... потом она все-таки позвала доктора... В это время жена уже чувствовала, как анестезия овладевает ею... А потом вошел доктор и сказал ей, что звоню я. И что я прошу ее спасти жизнь нашему ребенку. И что я люблю ее...

Отец поднял влажные глаза и увидел, что Чески смотрит в спину Питера, и что взгляд этот пристален, и что не понять уже, в какой момент его рассказа Питер стал объектом такого сосредоточенного внимания.

– Малыш! – позвал доктор. – Подойди ко мне еще разок.

Питер послушно подошел к креслу и вяло моргнул.

– Ты сейчас говорил о необходимости вам с отцом уехать отсюда. Почему ты это сказал?

– Потому что скоро этой гостиницы не будет.

– Вот так... – Отец заметил, что доктор растерялся. – Как это понять, Питер?

– Так как вы только что сказали: вот так.

– И ты хочешь поскорее отсюда уехать, потому что тебе кажется, что гостиницы «Анна» скоро не будет?

– Именно так.

Чески взял Питера за локоть.

– Землетрясение, Питер? Наводнение? Или, быть может, метеорит?

– Последнее больше похоже на правду, – помедлив, ответил Питер.

Он устал. Он хотел высвободить локоть из цепкой руки этого старика, но боялся огорчить этим отца. Впрочем, Чески разжал пальцы по собственному желанию.

– Ладно, Питер, посмотри, что еще есть в этом номере. На столе в соседней комнате есть минералка. Ты хочешь пить?

Сообразив, что его уши лишают возможности слышать то, что для них не предназначено, мальчик кивнул и направился в другую комнату. На столе он нашел бутылку «Перье». Свинтил крышку и сделал глоток. Кресло стояло рядом. Он опустил в него и стал ждать. Он привык к ожиданию.

– Я предстал бы перед самим собой шарлатаном, если бы затянул алгоритм нашего разговора с целью оправдать обусловленный гонорар, – донеслись до Питера непонятные слова доктора. – Мой диагноз будет краток. Ваш мальчик при всей своей малоподвижности относится к категории гиперактивных детей. Разница лишь в том, что у тех это проявляется в непоседливости, таких называют – «егоза», а Питер живет внутри себя. Его защищает от внешних проблем сотворенный им мир иллюзий.

– Вы хотите сказать, что он лжет? – уточнил отец. – То есть вы увидели во мне человека, которого могут провести детские сказки? Но разве я не говорил вам, что эти сказки удивительным образом сбываются?

Питер слышал, как мягко скрипнуло кожаное кресло – отец встал из него.

– Пан Чески, я приехал к вам не для того, чтобы вы выяснили, притворяется мой сын видящим будущее, или же он на самом деле владеет этим даром. Я надеялся услышать от вас рекомендации по устранению этой проблемы.

– Если ваш сын видит будущее, господин Макаров, то это чудо, лишать которого Питера не стоит. Но я чуда не вижу. Скажите, вам известно что-нибудь о существовании понятия «совпадение»?

– А вам известно что-нибудь о чуде, благодаря которому мой ребенок вот уже несколько лет не спит?

– Это как раз не чудо, – вежливо заметил доктор. – Это болезнь. И ваш ребенок не уникален в этом отношении. Югославский крестьянин Дражкович не спал пятьдесят лет и умер в семьдесят четыре года, не чувствуя никаких проблем со здоровьем. Он был адекватен и жизнерадостен. Сейчас на Тибете здравствует монах Дава, который не спит вот уже девяносто лет. Он не проспал ни одного события на земле.

– В чем причина?

– Бессонница является одним из проявлений невроза, заболевания, в основе которого лежит изменение центральной нервной системы, возникающее в ответ на психотравмирующие жизненные ситуации. Изменения могут быть обратимыми, а могут навсегда оставаться особенностями человека. Вы спросили, в чем причина... – Питер услышал мягкие шаги доктора, но и они затихли быстрее, чем мальчик успел об этом подумать. Стало вдруг тихо, лишь возобновившийся непонятный стук о стенку и женские крики тревожили покой номера. Питер уже всерьез раздумывал над этим шумом и решил, что женщина в номере тренируется. И он решил развлечь себя поиском вида спорта, которым была так увлечена та женщина.

А Чески между тем вышел из-за кресла и встал напротив отца.

– Я не исключаю, что причиной бессонницы Питера может быть стресс, который он перенес внутри матери вместе с ней. Ваша жена после вашего звонка могла испытать сильнейшее потрясение. Ведь она уже видела орудие убийства своего дитя, когда вы позвонили в больницу... – Чески поправил очки. – Но я не могу позволить себе предположить, что Питер ясновидящий. Простите, господин Макаров, простите...

Питер немного послушал тишину, а потом – отца:

– Ванга предсказала, что в двухтысячном году «Курск» уйдет под воду. Многие ученые считали ее шарлатанкой. А он ушел. Путин так и сказал на пресс-конференции – «Он утонул».

«Я думаю, она на тренажере», – пронеслось в голове мальчика.

Тренажер издал несколько звуков – самых резких, громких, потом несколько медленных, и наступила тишина. «Пошла в душ», – подумал Питер. Он видел женщину, которая, сияя влажной от пота спиной, смахнула со спинки стула полотенце и направилась к двери, ведущей из комнаты...

Тяжелый вздох доктора – и Питер отрешился от видения и воспрянул духом. Отец говорил – «Питер, пойдём» – через мгновение после такого вздоха.

– Господин Макаров, все родители схожи в своем желании видеть своих детей поцелованных Богом. Расходятся они лишь в выборе места поцелуя. Одним нужно, чтобы их сын стал Эйнштейном, другим – Бобби Фишером. Третьим – Нострадамусом. Вашему малышу не повредила бы морская прогулка. Где-нибудь в аномальной зоне. Ей-богу. Отправьтесь в район Бермудского треугольника, острова Пасхи... Вступив в противоречия с силой природы, возбуждение мальчика утихнет. Он не провидец, он всего лишь перевозбужден. Вы знаете, что есть на то причины...

Питер удивился, что отец не звал его. Напротив, он услышал:

– Доктор, у вас есть серый костюм?

– Немного странный вопрос... Вы не собираетесь разыграть меня после ответа?

– Лучше скажите, есть ли у вас серый костюм?

– Он был на мне за полчаса до вашего прибытия, – донеслось до мальчика, – но в ресторане неловкая официантка опрокинула чашку с кофе, и несколько капель упали на брюки. После этого позавтракал я за счет заведения, но... почему вы спросили?

– Не обращайтесь внимания, – ответил отец. Очередная родительская уловка для продвижения своего несовершеннолетнего чада. Питер, мы уходим!

Усевшись в машине рядом с отцом, мальчик словно невзначай посмотрел на него.

– Что, снова никакого просвета?

Отец не ответил. После каждой такой поездки он страдал так, словно у него забрали Питера. И мальчик решил больше не расспрашивать. Отец наверняка придумает сегодня какое-нибудь развлечение.

Как только они выехали с территории гостиницы, Питер услышал этот шум. Сначала он был похож на раскат грома. Потом выровнялся в своем звучании и превратился в сплошной рев.

– Что за черт? – проронил отец, опуская стекло и прислушиваясь.

Рев превратился в невыносимый вой.

Встревоженный отец машинально нажал на педаль подачи топлива, и «Лексус» послушно устремился вперед, вдавив Питера в сиденье.

Когда слушать стало уже невыносимо и стрелки на приборной панели зашлись в треморе, отец остановил машину и быстро вышел из нее, оставив дверь открытой.

Питер отстегнул ремень и развернулся, встав на сиденье коленями.

Истребитель-перехватчик «МиГ-29» с раздирающим уши свистом пролетел последний километр пути и вошел в гостиницу «Анна», как в вагон с тринитротолуолом.

Питер видел, как отца подняло в воздух и он, кувыркаясь в воздухе, словно брошенная нервной девочкой кукла, беспомощно упал в двадцати метрах впереди «Лексуса». Сама машина подпрыгнула на месте и тут же осела, грохоча разбитыми стойками.

Падая на сиденье отца, Питер успел увидеть, как из-под машины в разных направлениях прыснуло что-то блестящее, коричневое...

Выбитое из стоек масло забрызгало дорогу и машину. То место, в пятистах метрах от Питера, где находилась гостиница «Анна», превратилось в оранжевый шар. Приподнявшись на руках, капитан второго ранга Макаров наблюдал за тем, как жирные клубы, пузырясь гигантскими волдырями, расходятся в стороны, накрывают, пожирая и обесцвечивая, деревья, строения и стоящие ровными рядами автомобили...

Из ступора его вывел странный стук. По асфальту прыгал, треща пластмассой, странный мяч. Теряя скорость, он совершил последний прыжок и покатился.

Макаров, немигающим взглядом смотрел, как к его ногам подкатывается окровавленный изнутри шлем пилота ВВС, на боковой части которого черной краской сияли лаком три цифры: 703.

– Морская прогулка... – прохрипел он. – Это – хорошая идея...

* * *

Глядя в бутылку, в которой виски оставалось еще на три пальца, Левша пробормотал:

– И как теперь понять, что убийство нашего гида в представлении твоего сына для нас неважно, а погнутая сережка в ухе девушки непосредственно относится к нам?.. Старик, сколько я тебе должен?

– Сто два доллара, сэр.

Выбросив на стойку сотню и десятку, Левша сполз со стула. Он увидел, что бармен берет в первую очередь десятку и пробует ее на разрыв, и усмехнулся.

– Смотри, Макаров, до чего может довести бармена один сумасшедший филиппинец. Тот запугал его червонцами.

– Каким образом?

– Этот филиппинец явился в бар, выжрал половину запаса водки и расплачивался ветхими десятками. И бубнил при этом, что нужно спать, если хочешь увидеть вот это, – и Левша показал пальцем на купюру, которую бармен разглядывал теперь на свет.

Раздраженно выхватив ее из рук негра, он выложил ему из портмоне купюру в двадцать долларов.

Некоторое время Макаров стоял молча, а потом, нахмурившись, словно отбиваясь от какой-то мысли, направился вслед за Левшой.

– Это немыслимо! – Сергей тряс телефоном, а его жена, уже отвернувшись от окутанного туманом океана, равнодушно взирала на его муки. – Здесь не работает связь! Двадцать первый век!.. Черт знает что!

– Радиоволны не могут пробиться сквозь туман, – объяснил, проходя мимо, Левша. Он пригладил волосы, не удержался, и посмотрел на Машу. Та отрешенно смотрела мимо него.

– Да! – зловеще каркнул в ответ ее муж. – А дождь теперь идет чаще, потому что спутниками все небо продырявили.

– Нам всем нужно выспаться, наверное. – Макаров привалился к стенке коридора.

– Да, иначе мы не увидим денег.

– Иначе мы не прибудем в конечную точку нашего путешествия.

Рука Левши остановилась, он едва прикоснулся ключом к замочной скважине.

– Что ты сказал?..

– Кто изображен на купюре в десять долларов, приятель?

Левша вставил ключ в скважину, разжал пальцы и выпрямился. Брелок стукнул по двери и стал раскачиваться, как маятник.

– Какой-то президент.

– Нет, старик. На этой купюре изображен первый министр финансов США Александр Гамильтон.

– Гамильтон?

– Вот именно. Я иду спать. Адью.

Проводив Макарова взглядом, Левша вошел в каюту, тяжело оперся о столик и постоял у иллюминатора. Он вспомнил Париж. Точнее, не Париж даже, а то кафе, которое стало отправной точкой его поездки в Центральную Америку.

Он бежал от себя. Из Булонского леса, от убитой пятью часами до этого леса девушки, от любви, которую хотел теперь забыть, но не мог...

* * *

Бармен этого парижского бара наливал ему со спокойной душой, не тревожась сомнениями. Он понимал, что за каждую порцию оплачено будет как за три. Тот, что сидел напротив него уже больше часа, нем и безлик из-за своих черных очков. Он был никакой, – можно было бы сказать, – если бы это подходило для определения. Просто мужчина в хорошем темном костюме, подошедший к экватору жизни. Положив на стойку руки, он играл браслетом на запястье и чертил взглядом иероглифы на зеркальной витрине с напитками.

До сегодняшнего дня он побывал в баре трижды. Предпочитал всегда виски и никогда – много виски. Немногословный, этим вечером он и вовсе не издал ни звука. Даже налить просил кивками. И пил сокрушенно, как яд, вяло и безжизненно. Третью за последние семьдесят минут порцию осторожно, словно опасаясь глотнуть лишнего, чуть трогал губами, – и бармен чувствовал, что делает это он потому только, что сидеть просто так за стойкой и гладить взглядом бутылки считает невозможным. По его лицу бегали разноцветные тени, в зале было довольно шумно, гремела музыка и крутились под потолком

шары, оклеенные сотнями осколков битого зеркала. Иногда приходили в движение разноцветные лампы под потолком, и тогда черный пиджак мужчины окрашивался в фиолетовый, розовый, зеленый цвета. Дважды к нему приближались девушки и удалялись, не получив в ответ ни слова.

Два чувства: терпение, граничащее с равнодушием, и еще стоическое безразличие появлялись на его лице, когда музыка стихала и зал больно для глаз вспыхивал своим обычным освещением. Еще ни разу резкая вспышка не застала мужчину наедине с его обнаженными чувствами. Он жил внутри себя, и только внимательный наблюдатель мог разглядеть в глазах его, как сцепились в страшной схватке живущие в нем ангелы и демоны. Бой начался давно, и бармену казалось, что если отвлечься от музыки и прислушаться к звукам в глазах этого человека, то различить можно и стон, и со свистом режущие воздух удары мечами. Обещанные ангелы со срубленными крыльями, стоящие на коленях в груди малиновых перьев и молящие добить их, – хохочущие, истекающие кровью и сами едва не отдающие сатане душу демоны над их склоненными головами, – хруст тел под мечами и последние вздохи отходящих на небо душ, – если прислушаться и отвлечься от музыки, все это можно было услышать в глазах мужчины.

Но потом вдруг его глаза оживали, и в них появлялась открытая детскость. Эта невинная глупость, осчастливленная простым и однозначным пониманием сложно устроенных вещей. Колесо катится, потому что круглое. И жила эта детскость в сияющих восторгом карих глазах его до той поры, пока не сменяла ее наглая непринужденность. И тогда слегка изогнутым взглядом его можно было резать стаканы вдоль и поперек. И вдруг все исчезало. Влажнели веки – на мгновение, неожиданно для него самого, верно, едва уловимо, словно давая толчок не пережитому ранее чувству, – и тогда дрожала на ресницах мужчины вызывающая порядочность. И подходили проститутки, когда чувствовали скрип стаканов под издевательским взглядом его, и уходили без сомнений, когда приходило на смену взгляду этому новое.

Поиграв браслетом, он посмотрел на часы и, обнаружив, что стакан пуст, предложил бармену его наполнить. И еще раз потребовалось ему показать пальцем на стакан, чтобы бармен сообразил – до краев. В четвертый раз он выпил разом и, внимательно посмотрев по сторонам, вынул из кармана деньги. Бармен посмотрел ему в глаза и не обнаружил в них ничего. То же равнодушие, что и прежде. Соскользнув с высокого стула, мужчина покинул бар. Париж принял его и растворил среди своих улиц.

Его место тотчас занял один из посетителей.

- Что он хотел? - спросил он.

Бармен удивленно посмотрел на спрашивавшего и пожал плечами.

- Выпить и переждать, я полагаю.

- Вы знакомы?

Бармен огорченно покачал головой.

- Это страшный человек, - сообщил посетитель. - Он как черная метка. Туда, откуда он уходит, приходит беда.

- За последние три дня он был здесь четырежды, - прозвучал спокойный голос бармена.

- Он присматривается. - Подумав, что убедительного можно добавить к сообщению, вылетевшему из его пахнущего виски рта, посетитель добавил: - Он здесь кого-то выслеживает. В городе говорят, что он не щадит ни стариков, ни женщин. За деньги он запросто делает то, на что обычный человек не решится даже под угрозой гильотины. Ему неведом страх, он жаден до денег, как и всякое лишенное чувств существо. Ничего не слышал о любви, детский смех его раздражает как вой дрели в соседней квартире. Так говорят...

Бармен молчал, протирая сияющую зеркальным блеском стойку. Он взмахивал тряпкой, и стойка сверкала фиолетовым огнем. Потом еще - и стойка становилась розовой, снова взмах - и она уже сияет изумрудными искрами. В отсутствие четырежды побывавшего у него за три дня клиента лучи ламп били прямо в него, и переливающийся всеми цветами радуги бармен за стойкой напоминал уличного электронного прорицателя.

Посетитель мог бы еще добавить к сказанному, что своими глазами видел, как этот мужчина выстрелил в Булонском лесу в голову какому-то человеку. Но остатки соображения вовремя подсказали ему, что жив он до сих пор только потому, что у него хватило ума хранить молчание. Расплатившись за пару

коктейлей и получив тяжелые стаканы, он сполз со стула и растворился в пахнувшей духами и кишасцей силуэтами тьме. Безразлично посмотрев ему вслед и желая убедиться в том, что день сегодня удачен, разноцветный бармен со звоном открыл кассу, чтобы подсчитать выручку.

Выйдя из бара, немногословный мужчина надел темные очки и прошелся по тротуару. Остановился у стойки с газетами, наугад взял и раскрыл какую-то. Не поворачивая головы, сказал тихо и твердо:

- Дайте мне одну.

- Какую именно, мсье?

- Я ничего в них не понимаю, - газета дрогнула в его руках. - Дайте самую свежую.

- Они все свежие, мсье.

- Тогда самую красивую.

Свернув и положив газету на место, он протянул сидящей в двух шагах от газетной стойки старушке сотню евро, бережно взял лилию, пересек улицу, сел за руль и отрезал себя от мира черной дверью.

Через полчаса он подъехал к дворцу Шайо. Огляделся, прежде чем выйти из машины, и только тогда вышел. Темные очки, аккуратно уложенные волосы, четко очерченные губы - портрет человека, приехавшего скорбеть. Он удачно вписался в пейзаж кладбища для аристократов - высокий мужчина, в дорогом костюме, при появлении которого женщины принимают выгодные позы. Он прошел в ворота кладбища Пасси и направился по центральной дорожке. Миновав несколько рядов аккуратных могил, мужчина нашел то, что искал, - белоснежный камень, окруженный невысокой, похожей на ограждение детской кровати, оградкой. Он присел у могилы и положил к белому камню белый цветок. А потом Левша поднялся и вернулся к машине. Чтобы уже никогда не бывать здесь...

Отца разбудил не шум голосов на палубе. Питер понял это, потому что сам очнулся от духоты в каюте. Ему стало трудно дышать, и он беспокойно заворочался, но отец еще спал. В полузабытьи к Питеру привязалась собака. Он никак не мог понять, как мексиканец, этот старик с медальоном на шее, вдруг обрел собаку. Ведь раньше ее не было. Была молодая женщина, кажется, внучка старика. Но во сне внучка куда-то делась, зато появился этот бежевый лабрадор. Сначала он ластился, и Питеру это нравилось. Но потом шершавый язык и тугие бока, которыми лабрадор прижимался, Питеру надоели. Он решил уйти, но собака упрямо преследовала его своими ласками. Отца не было, он куда-то ушел. А старик не обращал на назойливость своего пса внимания, словно так и должно было быть. Питер уже не знал куда девать себя, потому что ласки лабрадора стали чересчур агрессивны. Он вышел из себя и прикрикнул на собаку. Та удивленно посмотрела на него и принялась за свое. Питер занервничал, занервничала и собака. Она словно специально выводила его из равновесия. И в конце концов в глазах ее – странное дело, эти глаза были человечески – появилось раздражение. Собака чувствовала, что сильнее и может расправиться с Питером в два счета. Ее забавляла беспомощность, в которой пребывал Питер. И все закончилось тем, что он замахнулся на лабрадора, и тот, словно дождавшись этого, бросился на него своей зловонной пастью...

Питер очнулся и схватился за шею.

В каюте было душно. От отца исходил сильный запах алкоголя. Дышать было нечем. А на палубе, которая в отличие от предыдущего дня была залита светом, раздавались голоса.

«Скажите, а мы можем отправиться туда? – говорила какая-то женщина. – Я просто не могу пропустить это волшебное приключение!»

«Увы, миссис Арчер, все места уже заняты».

И в этот момент, тяжело задышав и тоже схватившись за шею, проснулся отец. Открыв глаза, он окинул каюту растерянным взглядом, но уже через секунду пришел в себя, встал и направился к окну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/denisov_vyacheslav/zabytye-zazhivo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)